

ВИТАЛИЙ БУРИК

---

# Фигурка моржовой КОСТИ

РАССКАЗЫ, КОРОТКИЕ  
ИСТОРИИ, ЭССЕ



**Виталий Бурик**  
**Фигурка моржовой**  
**кости. Рассказы,**  
**короткие истории, эссе**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=24503203](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503203)*

*ISBN 9785448534140*

**Аннотация**

На протяжении многих лет пробую подходы к прозе. В разных направлениях, с разной степенью успешности и завершённости. С двухтысячных годов работаю в региональной журналистике. В 2014 закончил обучение в Литературном институте им. А. М. Горького, где в ходе учёбы также неоднократно приходилось прибегать к прозаическому словотворчеству. Этот сборник – первая попытка собрать вместе мои немногие прозаические опыты.

# Содержание

РАССКАЗЫ	6
Фигурка моржовой кости	6
Третья пуговка сверху	14
Сестра (отрывок из повести «Про Ольгу»)	22
Карта Москвы (отрывок из повести «Поэма будней»)	32
Легенды и мифы Патриарших прудов (отрывок из повести «Поэма будней»)	36
У озера	42
КОРОТКИЕ ИСТОРИИ	53
Хрупкость мира	53
Вчерашний дождь	55
Заметки мимоходом	58
В магазине	60
Один день из жизни Этьена и Лизиар (фантазия в духе Бориса Виана)	62
Кофейня	65
Тронулся лёд	67
Новогодняя сказка	69
ЭССЕ	71
Бродский, создавший себя	71
Остров Псоя	89

Песня амурских просторов (о поэзии Ирины Метёлкиной)	93
Карнавал для карьериста	98
Заметки о любви и психологии	108
Царевна-лебедь или история о гадком утёнке	120
Предтечи	125
Самиздат: да или нет?	132

# **Фигурка моржовой кости**

## **Рассказы, короткие истории, эссе**

**Виталий Бурик**

© Виталий Бурик, 2017

ISBN 978-5-4485-3414-0

Создано в интеллектуальной издательской системе

Ridero

# РАССКАЗЫ

## Фигурка моржовой кости

Он зашёл ко мне за полночь, по обыкновению пьян. Говорил как всегда о каких-то там чакрах-мантрах-буддах. На кожаном шнурке у него на шее талисманчик. Друг подарил. Сам вырезал из кости моржовой. Вообще, мастер был, художник. Почему был?

Гроза была тогда, арматурины все сырые, а у него ступни не было, ампутировали ступню. Сырые арматурины, вышка высокая, телевизионная вышка скользкая вся в тумане. Не удержался. Зачем лез? Кто теперь скажет...

Он почесал подбородок, попросил чаю. Отдувался, отфыркивался, как вышвырнутая штормом на берег нерпа. Сколько ему лет? Сколько лет мы с ним знакомы – год, пять? Всё те же песни ты поёшь, меняешь концепции, как перчатки, а всё едино... Всё сводится к тому: я знаю что-то!, что-то чего ни ты, ни кто другой не знает. чего даже смерть не знает, поэтому я её обхитрю. Нужно только правильно всё сделать. Тибетскую книгу мертвых читал? То-то. Вот как там – надо, чтоб всё правильно...

Роется во внутренностях куртки, и неожиданно, как самый младший из Кио, откуда-то вывинчивает бутылку водки. Стаканчик—стаканчик-стаканчик! Бульк – вот и всё правильно... Ну вот, теперь пузыри начнёт пускать, блаженная дитятя, раскраснеется весь, если гитара под рукой – так струны дёргает, спеть что-то желает, а вместо слов – пузыри. Слова, видимо, очень заповедные, сакральные...

Гитара под рукой, льётся блюз. Да нет, уже не льётся, низвергается, летит, дребезжа, раскачивая пространство вокруг. На него смотреть страшно – арлекин в судный день. Как обычно, рвётся первая струна. Сегодня он не настолько пьян, чтобы уместить свою музыку в пять струн.

И опять – рассказ о мастере, в который раз уже, словно фигурка моржовой кости жжёт сквозь рубаху, и невозможно отвлечься от неё... Туман был... скользко было... И отброшена гитара, и снова льётся водка в стакан, и, будто бы он скачет-скачет на коне, и вдруг – с коня свалился... Тааак, приехали – говорю, – домой, Саша, домой пора. Благо, недалеко, за стенкой живёт. Набычась, выпятив губу, голова – вперёд, хитрым зигзагом удачно вписывается в дверь, без прощаний, всё и всем заранее простив, вылетает, словно в вакуумную воронку...

Ворочаюсь в кровати, сон всё не приходит. Тибет-

ская... книга... если увидишь мутно-зелёный цвет – беги его, стремись к изумрудному, и так избежнешь перерождения в сансаре... Причудливо переливаются лунные отсветы на стене, или это уже я полетел в астрал надвигающегося сновидения... среди бликов, от мутного – к ясному свету... Туман был... скользко... Что он видел, когда летел?...

И снилось мне, что не какой-то мастер взбирается по скользкой лестнице телебашни, а сосед Санька, в одежды тибетского монаха облачённый, а амулет его – золотом сияет, улыбается с него золотой Будда, и как бы, подмигивает... Тут – нога у Саньки соскальзывает, а он – нет бы за поручни крепче держаться – руки к амулету тянет... И летит навзничь вниз... Только вот, пока летит – земля всё удаляется от него, чем быстрее он падает, тем быстрее от него поверхность земная удирает. Он глаза открывает, озирается, и вдруг – улыбка, не хуже, чем у Будды – ну, что я говорил? Убежал от неё, костлявой! А Земля внизу – уже совсем маленький шарик, и летит наш Саша, раскинув руки, среди полного звёзд и планет космоса...

Дней пять спустя, под вечер – стук в дверь. Открываю – Саша. Пьян не до конца, на ногах прочно стоит, а глаза – таинственным светом сияют. « – Пойдём, с интересным народом познакомлю, пока ещё не все разошлись!». Сосед ведёт меня в свой «холостяцкий



угол». В маленькой комнате – человек пять, буддисты «линии Ден-Дорона», неканонического течения. От всех разит водкой, но, кроме того, в комнате – стойкий дух жжёных алтайских трав. Так, думаю, что-то вроде духовного собрания было. «Много гостей, наверное, тут было» – говорю. Самый «просветлённый» от алкоголя, видимо, местный гуру, выдаёт остроту: «Много. Гораздо больше, чем ты можешь себе представить...» Ну, это явно, куда уж нам, сирым и убогим.

А Сашок всё рассказывает о том, какие это «продвинутые» люди, а гуру – так вообще воплощённый в России тибетский далай-лама. И, как-то, между прочим, говорит, что на следующей неделе собирается с ребятами в Бурятию, по святым буддистским местам и дацанам (монастырям их, значит). «Ребята хотят остаться в Агинском дацане, а я посмотрю-послушаю, и через месяцок – домой...» «Будешь возвращаться, – говорю – ты мне травок этих ароматных привези, к благовониям я не равнодушен». «Лады, привезу. А что, может, и ты с нами махнёшь? Бери отпуск – и на месяц хоть от суеты этой оторвёшься!» «Нет, – говорю, – я ещё не такой просветлённый. Вот, может, через годик и дозрею, тогда поговорим...». На том и разошлись. Я пошёл к себе, а друзья-буддисты, видимо, ещё сутки зависали у Саши (уходя, я заметил на столе несколько непечатых бутылок – празд-

ник продолжается).

Через месяц получаю телеграмму: «Лечу таким-то рейсом из Улан-Удэ. Везу твои травы. Встречай. Саша» Значит, завтра – в аэропорт. Самолёт прибывает рано утром, нужно хорошенько выспаться.

Этой ночью мне вновь приснилась Сашкина фигурка из моржовой кости, она летела грозовой ночью откуда-то сверху, вдоль телевизионной вышки, неотвратимо приближаясь к земле, кувыркаясь в воздухе, видоизменяясь... Вот у неё появились крылья, а ещё в следующее мгновение она непомерно разрастаясь, вдруг стала превращаться... в Сашу. Но у него крыльев не было. Со страшным громом и треском он рухнул на скользкую от дождя глинистую землю.

В этот миг я проснулся – за окном бушевала гроза, расцветившая всполохами чёрное предутреннее небо. «Приснится же всякая чушь...» – подумал я, и, перевернувшись на другой бок, под раскаты грома и журчание дождевых струй за окном, заснул ещё крепче, уже без сновидений.

Пробуждение было авралом – будильника не услышал, рейс должен был вот-вот сесть, а до аэропорта – минут сорок на такси. Косой ливень не прекращался, пока ловил мотор – изрядно промок, однако планов менять не стал – еду в аэропорт.

Непонятная, тревожная, нездоровая суэта сразу же

накатилась колесом КАМАЗа, как только вошёл в зал аэровокзала. Что-то необычайно неприятное буд-то бы жужжало в наэлектризованном воздухе. Мимо взволнованных, не по-будничному озабоченных людей ринулся я к диспетчерской. «Рейс Улан-Удэ – Владивосток уже сел?» «А... вы ещё не знаете? Аварию потерпел... На подлёте, за городом... Соболезную...» и ещё что-то говорили, да я уже не слушал... В словно ватой забитых ушах – равномерное жужжание злой озабоченной пчелы, перед глазами – падающая фигурка моржовой кости из сна, только вот без крыльев...

Через неделю в списках погибших нашёл его имя... А ещё через неделю... стук в дверь – встречаю его, живого Сашку, на пороге... Трезв, как стёклышко, в руках – пакет трав ароматных. От удивления чуть не выронил сигарету. «Вот так, брат, бывает... Я тогда на рейс опоздал, на оставшиеся деньги поехал поездом. Веришь, не было даже копеек телеграмму дать...» Значит, перехитрил-таки, убежал от судьбы.

Вот, казалось бы, и вся история, после которой, Сашок не только пить бросил – забросил блюз, ни о каких буддистах-просветлениях и не заикался. Как, впрочем, никогда не вспоминал своего друга-художника и фигурку из моржовой кости. Через пару месяцев он переехал куда-то, в другой город, и наше об-

щение на этом как-то заглохло.

Вспомнил я о нем через год, при очень странных обстоятельствах. Отправились с компанией за город, «на шашлыки». Найдя подходящее для костра место, разбрелись в поисках дров. Идущий со мной Витёк, наш водитель, проронил: «Здесь недалеко, метрах в пятиста – воронка – самолёт в прошлом году упал. Городские службы уже поработали, но можно ещё кой-какие „артефакты“ найти. Не хочешь прогуляться?» Я ощутил некоторую неловкость, но, вспомнив Сашку, согласился пройти до места.

Воронка была в основном очищена, крупных обломков не было, и если бы не слова Витька, я вряд ли бы понял, что эта хаотично вспаханная земля – место трагедии. Я брёл медленно, упираясь взглядом в рыжую глинистую почву. Вдруг небольшой светлый предмет привлёк моё внимание. Я поднял его, да так и остался стоять, медленно проворачивая его в руках, не замечая уходящих минут, не слыша окликов ушедшего далеко вперёд Витька... Так-так, вот и Сашкина роспись иголкой... И последние сомнения покинули меня – их место заняла непонятная, нелепая, необъятная, с кучей версий и предположений – тайна.

Да, это была она. Маленькая фигурка из моржовой кости.

1998

® Альманах «Биробиджан», №2, 2005

## Третья пуговка сверху

В художке я учился с ленцой. Как ребенок из приличной семьи, был отдан в художественную школу родителями помимо особого желания, а так – родители, якобы, увидели способность мою к рисованию, и настаивали на том, чтобы отпрыск развивал талант.

Отпрыск же был чужд дисциплины, обязательность чего-либо подрезала под корень имевшееся желание к предмету. Но... шаг был сделан, приходилось посещать занятия.

В художке было интересно, тут уж не стоит лукавить. Только вот в своё будущее, как художника, не верилось. И потом, заглянув в бездну, в миры, которые открывались за полотнами, и в судьбах мастеров прошлого ли, настоящего, ощутил я беспредельность этой вселенной. Вместе с этим пришел страх – да разве я смогу когда-нибудь так? А малолетняя гордость говорила – уж лучше совсем не браться за кисть, чем быть средненьким, сереньким, и зарабатывать на хлеб насущный малеванием вывесок и витрин.

Занятия шли размеренно, своим чередом: живопись, композиция, рисунок, скульптура, история искусств... Ребята подобрались в группе разные, но в общем-то всё народ хороший, компанейский. Вот

так и жили. Шли занятия, были выезды на пленэр, была наша весёлая группа.

И была Майка. Да, это было нечто! В своей юной жизни я сделал тогда первое подобного рода открытие – открытие Талантливого Человека. На фоне заученных школярских работ её картины, наброски, брали сто очков вверх. Было в них что-то характерное и... нездешнее. И в ней самой – безудержное что-то, всегда через край.

– Майка, а почему у тебя на рисунке небо такое, ведь так не бывает?

– Я так вижу. Ну, красиво ведь, красиво?

– Да, красиво.

Всё, что происходило в школе помимо занятий – все игры, затеи, придумка на праздники, дни рождения, – всё её.

Мы подружались с Майкой. Вот ведь как здорово, когда тебя понимают с полуслова – думал я, привыкший к книжному заточению дома, отчужденности одноклассников и бесхитростным недалеким дворовым компаниям. Это не была любовь. Просто мы с Майкой были фантазёры.

– А как думаешь, инопланетяне за нашей Землёй следят?

– Следят, конечно, приглядывают, может, только на них всё и держится, иначе наш мир рухнул бы.

– А я в бинокль на Луну люблю смотреть, только вот он маленький, театральный, не все моря видно.

– А я в военный бинокль смотрела. Ух, красотища!

Под конец учебы в художке мы были друзья неразлей-вода. Если бы не одна ужасная заноза в моем сердце – была бы любовь. Но злые шутки играет с людьми судьба. Я был заносчивый привереда. Человек, чья душа сверкала для меня, как ограненный алмаз, не был для меня идеалом женской красоты. Я был юн и глуп, я глазел на длинноногих вульгарных красавиц. А Майка? Майка – друг, «свой парень», как там в песенке – «ты была заводилой у нас, чорт морской в полинялой тельняшке».

А время всё шло, шло...

Окончена школа. Кто куда. Я уехал из нашего захолустья в большой город, поступил на физический факультет и решил больше никогда, никогда не пробовать сладкого яда под названием Искусство. Физики и лирики по разные стороны баррикад.

Проверки временем решение не выдержало. Какой-то червь точил изнутри и курсе на четвертом прогрыз-таки...

Я забросил учёбу. Я осознал тщету технического прогресса и тоталитарность человеческого стада. Почувствовал беспомощность человека перед этой машиной. Научился пить и вести околосветские разговоры, гово-



ритель о модных романах и держать нос по ветру новых веяний в поп-музыке. Осознал себя Поэтом и изо дня в день мучил печатную машинку, гитару и уши окружающих. Отрастил длинные волосы, посещал маргинальные тусовки и не стирал носков. Учебу я все-таки закончил, восстановившись – победил здравый смысл.

Однажды, во время каникул я приехал в родной городок. Такой уж он мне показался маленький, неухоженный, обшарпанный какой-то. В задумчивости бродил я по знакомым с детства улицам, узнавая и не узнавая всё одновременно. Лето, жара, пыль, мухи... Квас на углу... И вдруг!...

– Майка! Да неужели? Я-то думал, ты давно уже уехала отсюда! Где ты? Как? Что делаешь? Вот так встреча!

– Да я здесь же. Всё по старому. Работаю, оформляю витрины. Да ты в гости заходи! Как здорово, что я тебя встретила! Обязательно заходи! —

чиркает на клочке бумаги адрес.

– Зайду, конечно же зайду!

Как по сердцу резануло – сквозь все новомодные романы, стихи и песни,

пижонский эпатаж и хиплянско-андеграундный прикид, сквозь всю образованность и полезные навыки

общения... Хоть плачь...

И вот, уже на следующий день, я перед её дверью. Дверь неказистая, причем обшивка основательно изрезана ножом, кое—где видны черные проплешины горелой ткани и дерева.

Звоню. Открывает дверь. Глаза сияют.

— Пришел! А я боялась, вдруг дом перепутаешь, или еще чтонибудь... Ты проходи на кухню, вот чаёк с вареньем, сейчас музыку поставлю интересную...

Знакомит со своим сводным братом.

— Да мы знакомы. В детстве как-то вместе в пионерском лагере были.

Осматриваюсь. Бесприютность незамысловатого быта. Аскетизм небогатой российской семьи. Книжки хорошие. Тюбики и баночки с красками кругом. Мольберт.

Брат ставит кассету с записью какой-то неизвестной группы. Из магнитофона, с сильными шумами, раздаются звуки песни на русском языке. Что-то похожее на хард-рок, с наивным текстом, и музыкой, прямой, как звонок будильника. Брат утверждает, что это самая новая, самая запрещенная, самая перспективная и вдохновенная рок-группа. Что ж, может быть, и так.

За чаем ткется разговор. Обо всем. Перепрыгивая с темы на тему, будто бы не

успеем наговориться. Майка показывает свои рисунки, стихи. Она, оказывается, давно и хорошо пишет. В разных газетах печаталась и в каком-то журнале. А разговоры всё больше «за жизнь».

– Что с дверью?

– Да так, ломились разные... хулиганы.

– Да зачем? У вас и взять-то нечего

– Ну, мало ли негодяев бывает...

Затем Майка читает стихи.

Сердце всё теснит, теснит, это тебе не заоблачные дали, это всё здесь, рядом. Эх, Майка, Майка! Да что же это, как же это? Я где-то далеко, за тридевять земель, даже сейчас – за тридевять земель. Вот послушаю, посмотрю на тебя, сам что-нибудь скажу и уйду. И пойду своей дорогой дальше. Это не Любовь, говорю я себе, это не Любовь...

В то лето мы виделись ещё несколько раз. Ходили в парк. Катались на каруселях и детских автогонках. Ходили вчетвером – я, Майка, брат Майки и его девушка Ира.

Потом я бежал. Последней каплей были несколько слов, случайно-непрощенно сказанных Ирой. Мы шли вдоль берега реки и подбирали красивые камешки. Ирина и Майкин брат оживленно болтали о чем-то. Мы с Майкой шли молча, держась за руки, то глядя на неторопливые воды реки, то высматривая кра-

сивые камни под ногами, то просто переглядываясь.

– Эй, вы что это сегодня такие неразговорчивые? – спросил Майкин брат.

Ирина ответила за нас:

– Когда люди влюблены, слов не нужно, правда?...

Это не любовь, говорил я себе, это не любовь.

После этого стеклянным осколком врезавшегося в память дня Майку я больше не видел. А время шло себе, шло...

Был рок-фестиваль. Я сидел в зале и слушал. Пел Алексей со своей командой. Программу отыгрывали новую. Интересно, тем более, что с Алексеем я был лично знаком. Одна песня особенно зацепила. Шла она в конце программы, помню, были там такие слова:

«Третья пуговка сверху – тугая, хоть смейся, хоть плачь...»

Когда песня закончилась, Алексей объявил, что написана она была, как посвящение девушке-поэтессе из моего родного Завирайска. (Во время тамошнего рок-фестиваля группа жила несколько дней у нее на квартире).

Будто токомшибануло. После концерта я уже был за кулисами и разговаривал с Алексеем.

– Да, её звали Майкой. Да, талантливая, и человек

какой! Мая Потапова. А ты как догадался?

– Так ведь настоящий поэт там только один был...

Где она сейчас, что с ней?

– В Америку уехала не так давно.

– Адрес есть?

– К сожалению, нет.

Нет, это не любовь, говорил я себе, это не любовь.

– Слушай, Лёш, я понимаю, выступление, устал и всё такое, но для меня, один, под гитару спой, пожалуйста, а?

«Третья пуговка сверху тугая – хоть смейся, хоть плачь...»

1998

® Альманах «Биробиджан», №2, 2005

## Сестра (отрывок из повести «Про Ольгу»)

В разговорах наших она появилась задолго до того, как мы увидели эти её огромные глаза.

В наших разговорах... Играл... Кто же тогда играл? Губайдуллина? Хиндеммит? Гарбарик? Может, старина Дюк Эллингтон со своим оркестром? О, тогда из стереофонического проигрывателя звучал Иржи Брубек! Хот и немного би-бопа, уже несколько усмирённого, причёсанного многолетней эстрадной традицией. В высоких бокалах было пиво. Тараненко тогда пила исключительно пиво и глентвейн. Вкусы Тараненко не обсуждались, праздник её души – наш праздник. Эльза, притушив верхний свет, зажгла торшер. Я, сидя по-турецки на полу, наблюдал сцену появления Васи́на. Эльза, вот и твои любимые грейпфруты у него в пакетике. Да и сам он – экий экзотический фрукт в нашем вьюжном феврале. Штанишки в клеточку а-ля племянник дядюшки Сэма, квадратные роговые очёчки, челюсть – от Шварцнегера в миниатюре... По стандартам 1989 года – парень явно не отсюда.

И что тогда сказала Мага?

Ничего. Просто вышла в ночь и пошла к мосту.

Но в ночь она, по-моему, уходила уже до этого...

Здесь у Картасара явный рефрен сюжета. Как подметил ещё раньше этого места вечно наблюдающий со стороны старик Морелли, сюжет, выстроенный в одну линию – пицца лишь для читателя-самки... Кстати, о пицце. Тут у меня в сумке двуногое без перьев...

Совсем без перьев? – Эльза улыбалась всепонимающе и как-бы слегка капризно.

Ну, просмолить над газом следовало бы, магазинные синие птицы к цирюльнику не ходят, – Фёдор смотрел несколько смущённо, словно сам час назад убил и не очень тщательно ощипал бедную курицу.

Уф, опять мне терзать её бледную плоть, – Эльза взяла курицу, для эксцентрической убедительности пройдясь её оцепеневшими лапами по столу, – кар-кар, птичка, – и они ушли на кухню – включать газ.

Рассуждения о многоплановости прозы Картасара, ненавязчивый звуковой пинг-понг Брубeka, а особенно – запах смолистых капель жира слегка плавящейся птицы, настраивали на очень уютную волну лени и некоторого снобистского самодовольства. В смысле довольства своей эрудицией и прозорливостью, довольства ситуацией (уютный дом, где нам всем так хорошо, а за окном – немилосердная приморская февральская ночь), довольства компанией, и даже – будущим, в той зыбкой перспективе, которая бликова-

ла для нас тогда. Ах, полёт этих молодых, самовлюблённых крыл, худо-бедно научившихся рефлексировать собственное бытие выпускников ВУЗа, ах, соблазнительная конфетка элитной жизни в руке ловкого фокусника-фатума, манит-манит – на-ко-ся, выкуси!.. Насчёт «выкусить» – это после, а тогда – вкушали, зачастую – безоглядно, всеядно. И всё-то мы знаем, и всё-то мы сможем...

Тараненко недавно из Питера. Нейрофизиолог, мечтающий о литературном поприще. А кроме этого – дама, не лишённая чисто мужского интеллекта, претендующая на особую светскость и богемность, легка в общении иногда до бесцеремонности, прирождённый лидер, в любой компании не терпящий конкурентов. А ещё она – морж, что тоже даёт ей дополнительные баллы среди почитателей. В продолжение разговора глубокомысленно молчит. Но вот, по удалении Эльзы, встаёт с насиженного тёплого кресла.

– Федя, ты знаком с нашими надувными друзьями? – рядом с телевизором две надувных игрушки, оставшиеся от хозяев съёмной квартиры – змея и лев. – Познакомься, вот это – наш глистик. А это – хранитель дома, мужчина мужественный, но печальный. Не правда ли, чем-то смахивает на тебя?

– Польщён, польщён, – Федя чуть ли не краснеет, мне даже кажется, что стёклышки его ненаших очков



слегка отпотевают от такого беспардонного сравнения – надувной лев, тигр тряпочный, бумажный волк – что дальше? Федя немножко хочет быть значительнее. Помнится, по истечению своего четвёртого курса он с гордостью присвоил себе кличку ВАК, в смысле – бакалавр, демонстрируя свою веру в превосходство их образовательной системы, а мимоходом – и некоторую степень смешной наивности. И ещё помним мы, как Федя давал торжественное обещание жене Тане, закреплённое бумагой с подписью, что если через десять лет он превратится в сноба и, прочитав литературные опыты молодых дарований, будет процеживать через губу «забавно, забавно», Танюша ему поставит двадцать щелбанов по лбу.

Это основные персонажи сцены, не считая Брубeka и Картасара, что же до остальных – Эльза – подружка Тараненко, романтична, молчалива, даже несколько внешне экстравагантна, хотя часто довольствуется ролью безмолвной тени, снимают совместно этот угол, непонятно, что ещё держит их вместе. Относительно меня... Втёрся в компанию, прижился, просто так не выгонишь, иногда умею интересно рассуждать на общие для всех темы.

– Ах, Федя, совсем забыла, у нас же новость! В мае приезжает моя двоюродная сестрёнка Ольга, из Москвы – Тараненко протягивает фотографию – посмот-

ри, какие глазлица! И вообще – оцени внешность – при этом всё ещё и высокая, стройная – (фотографическое изображение мало, лицо и плечи) – ну чем не модель? У нас все такие породистые, – подчёркивает Тараненко, ретушируя факт своей крупнотелости и почти мужской грации.

Мы с Васиным, глядя на фото, оценивающе-восхищённо цокаем языками.

Где-то учится?

Какое-то ПТУ закончила. Двадцать лет, манит дальневосточная романтика, да и я рядом, если что.

Что – если что?

Ну, в начале жизненного пути, нужен старший товарищ и т. д. и тому подобный вздор. Вообще-то она вполне самостоятельная, цену себе знает, рисковая только.

Так когда её ждёшь?

В мае, я уже говорила...

Предоставим нашему милому обществу оставаться дальше в тёплой уютной хрущёвке среди вьюжного февральского вечера, упиваться ненавязчивым трёпом на фоне Брубeka, и поспешим в черёмуховый майский вечер. Там, там наша гостья, от предвосхищения лёгкие уже задыхаются в черёмуховом аромате...

Дом на сопке. Обиталище Феди Васина, семейная

уютная норка, прорытая на полгода за баснословно умеренную плату.

Привет, что нового?

Как? Ты ещё не слышал? Она уже в городе.

Кто?

Ну как кто? Тараненковская сестра приехала вчера. А сегодня – званый сабантуйчик. Собираемся, пошли прямо сейчас.

А твоя жена идёт?

Нет, – Васин смущённо теревит подбородок, – ну ты же знаешь эту Ленинградскую историю, после неё у Танюши аллергия на Тараненко.

(Ленинградская история – Тараненко и Таня вместе ехали поступать в Ленинградский мед, Таня не поступила, плюс ещё Тараненковское лидерское давление...)

Ну, бог с ними, с этими женскими штучками, собирайся и пошли. Да, вот ещё, нужно не забыть цветы и шампанское. Деньги есть?

Обижаешь. У меня «Амаретто» и «Котнари», шампанское – моветон. А цветы по дороге купим.

И вот мы с цветами и бутылками спускаемся-подымаемся по взгоркам-пригоркам скачем, воодушевлённые, по направлению к хрущёвке Тараненко, «дому с красным окном», как окрестил его Васин за Тараненковские малиновые шторы. Вот оно, окошечко, го-

рит. И там – загадочная Ольга. А вечер сгустался, спускаясь влажной ватой по склонам сопок, и кружило нас пьянящее предощущение встречи, прямо-таки волчья алчность свежей крови, нового человека, и, судя по рассказам, ещё какого!..

Загадочная Ольга оказалась, лучше, гораздо лучше, чем на фотографии. Во-первых, в отличие от фото, у неё присутствовала выигрышная способность говорить. Во-вторых, она была действительно красива, до царственности ей не хватало небольшого довеска манер, и, возможно, нескольких лет. Но эти её огромные, серо-голубые, с поволокой, глазища! Речь достаточно быстрая, но с растянутым гуттаперчевым о-о, говорит слегка смущенно, но в то же время напористо-воодушевлённо, всё и всех старается рассмотреть, прямо-таки выпить этими своими глазищами. И улыбка, широко-белозубая, своей непосредственностью побеждающая голливудскую. Вопросы, вопросы, вопросы. Всё ново, всё обжигает мерцающими огнями перспективы праздника молодой, полной сил и устремлений во всяко-разные заманчивые начинания жизни. Рассказы о Москве по большей части достаточно скудные. Девушка из спально-рабочего района Зеленограда. Высшие учебные заведения, театры, концерты – далеко, в основном – бытовая обыденность. А тут – новый город, новые и весьма приятные

люди, одним словом – новый мир.

А обитатели этого мира – ушки на макушке, глазки – открытые дверцы, а уж изощрённые языки, изголодавшиеся по свободным, да ещё и новым ушам – с каким упоением они вибрируют по настроенным в унисон струнам вечернего разговора!

Мало-помалу спиртное, музыка, приятный тон общения, делают своё дело – мы уже вполне друзья. Снимаемся с «квартиры с красными шторами» и летим во влажный, пропитанный ароматами цветущей черёмухи и прибоя вечер – в охоту за новыми впечатлениями. Ольга, конечно же, с нами. Я вскользь отмечаю, как у Феди маслянеют под роговыми очками не совсем трезвые глазки, как он становится всё более и более велеречив.

Я почти влюблён. Влюблён ли я? Нет, вряд ли. Это всего лишь тень чувства, всего лишь морской, с привкусом ранней черёмухи, туман чувства, всего лишь лёгкий и свежий ветер свежего чувства, который так часто гонит, подгоняет моё существо к свежему объекту обожания, созданному в равных долях из первого впечатления, фантазии и желания, а также из просчитанной, сдобренной самомнением любого мужчины вероятности, что у него есть шанс на нечто большее. И было заметно, что из мужской части нашей компании этот ветер подгонял не только меня. Вон как пры-

гает по взгоркам, как красноречиво плетёт узоры завлекательных историй Васин. Ну, тебе-то куда? Сердцу, или чему там ещё, тем более – чужому, не прикажешь...

Потом – такси, потом – ещё какие-то гости, и ещё... Вечер, плавно переходящий в ночь, длился, бежал, летел горнолыжником, иногда – балансировал канатоходцем по нити, сотканной из встречи Ольги, отчаянно-подарочных разговоров, океанско-черёмухового, с парами вина и эндорфинами молодой крови, ветра в голове.

Встреча удалась вполне. Новый человек был не просто завлечён в наш рафинированный мирок, он был заинтригован, расположен к нам, ну а с нашей стороны – безусловно обожаем. При встрече с Васиным несколько дней спустя делились впечатлениями. Фёдор говорил что-то там о том, что, мол, эффектная у Тараненко сестрёнка, легка на подъём, неглупа, мила, ну и подобное в том же духе. Да мало ли, что он там ещё говорил – явно видно было одно – он покорён, а это значило, что Оля на достаточно долгое время заняла фокус внимания его, а автоматически – и всей нашей компании.

А я уже думал о новой встрече. Вот ведь какая странная штука – женское обаяние. Гиря внешних данных часто перетягивает всё остальное. Окажись

она дурнушкой – вряд ли кто-либо сказал, что она неглупа, общительность и рисковость в интеграле характеристик скорее всего ушли бы в минуса, любопытство и напористость казались бы назойливыми мухами, от которых хочется побыстрее отмахнуться. А так – всё окей, кроме, разве, того только, что глубже внешних впечатлений мало кому хочется нырять, итак – с лихвой, с головой, живо, весело, интересно – а там, за фасадом – всегда ведь подразумевается какая-нибудь интрига, загадка. Пусть лучше остаётся блестящей многоцветной загадкой, чем чёрно-белой правдой...

2003

# Карта Москвы (отрывок из повести «Поэма будней»)

\* \* \*

Метро снова вторглось в моё течение времени. Точнее, снова время моё уносит течение метро, и я ничего не могу с этим поделать. Искаженный голос из динамика, двери закрываются и вагон набирает скорость. Я лишь точка в потоке, точка в пространстве, где густое месиво почти десяти миллионов душ образует затейливые узоры взаимодействия человеческих движений, слов и чувств. В летящем сквозь приглушенный отчаянный свист вагоне метро острее чувствую свою сопричастность этому уплотнению в организме человечества, называемому Москвой.

\* \* \*

Пробьётся ли звонок сквозь бетонные стены подземки? Возьмёт ли она телефон? И что мне сказать? Условились же, что позвоню, когда приеду. Чего сейчас-то трезвонить? Глупо как-то. А что не глупо? Если рассудительно – это уже не чувства. Хотя и чувства препарировать словами – тоже глупо. Так и выходит – кругом дурачок. Снова открываются двери – входят какие-то музыканты со шляпой для монет. Ро-



юсь в карманах, что-то ссыпаю в шляпу – из уважения к нелёгким стараниям в душном метро. Что я делаю в этих поездках, скачках-перебежках от одного сюжета к другому, между встречами, пунктиром обозначающими общение, общность с тем ли, с той ли? Я ничего не ищу. Провожу время? «Построю себя»? Попутно – и то и другое. Одним словом – живу. Так вот, в пути, между прочим.

\* \* \*

Жизнь между. Между людьми, разговорами, снами, телефонными звонками, едой наскоро в кофейнях, новой ночью и добрым утром. Здесь, в Москве, даже приятно почувствовать себя никем, просто, к примеру, точкой внимания и смысла в общем потоке, среди плотных силовых линий информации где-то на карте метро.

\* \* \*

Станция Тверская. Мой выход. На выходе эскалатора тревожный дятел клюёт в ребро – надо позвонить. Теперь уже можно.

\* \* \*

Вот Тверская – главная улица столицы... Побольше походив по центру Москвы, задумаешься – а есть ли

здесь действительно «главная» улица, градообразующая во всех смыслах? Вот, в иных городах, поменьше, ощущается их цельность и есть однозначно главные улицы, без которых и город-то представить нельзя. К примеру, что было бы с Петербургом без его неевского проспекта? Есть города «двуглавые», чей идейный и архитектурный костяк составляют две главных улицы. В Хабаровске это, конечно же, Амурский бульвар и улица Муравьёва-Амурского. Во Владивостоке тоже две главных улицы – Светланская и Океанский проспект, они перпендикулярны, каждая ось задаёт свой тон, свой ритм, своё направление. А в Москве? Москва – круг, не имеющий по-настоящему главных улиц, без любой, в принципе, её архитектурная целостность может как-то обойтись. Но кругу этому никак нельзя обойтись без центра – без Кремля и Красной Площади.

\* \* \*

Бульварное кольцо. Сколько бульваров оно соединяет – точно не помню. Вроде бы пять. Кольцо неполное, в южной его части есть перемычка из узеньких улиц.

\* \* \*

Москву невозможно представить единым городом.

Каждый выход из метро и даже некоторые отдельные улицы представляют обособленные места. Словно вышедший из межпространственного портала, идёшь по этим улицам совершенно какую-то новую для тебя Москву, стёклышками калейдоскопа поворачиваются своими фасадами и эрзацами постройки различных эпох и архитектурных стилей.

2016

# Легенды и мифы Патриарших прудов (отрывок из повести «Поэма будней»)

\* \* \*

Пушкинская площадь занимает свою символическую и физическую высоту. В самом деле – в какую бы сторону ни пошёл от Пушкинской площади – к станции метро Маяковская, в оба конца Тверского бульвара, к Патриаршим прудам или даже к Кремлю – всегда это будет спуск вниз. Иногда очень пологий, совершенно незаметный, но спуск. Символическая вершина наших российских смыслов, что-ли.. У памятника Пушкину традиционно ждут с цветами. И я жду. Со скромным букетиком розовых роз. Не знаю, почему, купил именно розовые. Видимо, среди всех показались свежее, какие-то сами в себе, не нарочитые, словно розы такого именно цвета не выведены специально, а случайно родились себе между прочим, и садовник – так и быть – срезал их. Ещё одна вешка, ещё одно доказательство пунктирной жизни, жизни между всем прочим. И хорошо – так честнее.

Ходил ли трамвай на углу у Патриарших во времена Булгакова? Говорят, что не ходил. Ну и ладно. В самом деле, не важно где именно Аннушка разлила масло, главное, что это мифическое место сейчас доподлинно существует на карте Москвы, в головах у сменяющих друг друга статистов, наполняющих своими шагами тишину алей вдоль последнего из оставшихся нам в наследство прудов старой Москвы. Дышу одним воздухом с могучими липами. Вместо Коровьева на скамейке встречаю похмельного Марио – завсегдатая этого места. Марио представляется итальянцем, работающем по контракту на одну из римских газет, хотя, судя по изношенной физиономии и прикиду, он больше напоминает отечественного бомжа. Что ж, мифологическое место располагает к сотворению и утверждению новых мифов, в которые хочется верить. Именно слепое желание верить держит нас на привязи в старой Москве, создаёт её целостность, не даёт рассыпаться между всего прочего осколком нашего суетного существования.

\* \* \*

«Хочешь пива?» – мой институтский товарищ уже ввязался в разговор с бедствующим итальянцем. «Но, я но пиво, я хочю вино!» – с ходу в карьер скачет Марио. Вот наглец... Отдаём ему остатки «Каберне» – пусть порадуется. Марио наливает в пластиковый стаканчик – из горла итальянцы не пьют. Он уже настолько слился с ролью, что будь он (а скорее всего так и есть) самым обыкновенным российским попрошайкой, мы ещё долго будем изумляться – чего бы это ему бедствовать здесь, а не вернуться в свою солнечную Италию? Здесь, на Патриарших, Италия Марио такой же реальный миф, как и трамвай Булгакова, полёты Маргариты над Москвой, разговор Иешуа Ганоцри с Пилатом да и сам Михаил Афанасьевич Булгаков.

\* \* \*

Мои институтские товарищи, гуляя на Патриарших тоже поневоле становятся мифическими персонажами. Чего только стоят их пьяные купания в пруду. Один наш друг решил посмотреть, как устроен пла-

вающий в центре пруда домик для лебедей, изнутри. В сильном подпитии он доплыл до островка, сунулся в домик, но коварные птицы были уже там. Вытянув шеи, они с гадючьим шипением и клёкотом негодования изгнали редкого на середине их пруда бескрылого гостя. История запомнилась надолго, переходила из уст в уста, и я, не будучи свидетелем сего происшествия, услышал её из «четвёртых рук», уже значительно обросшую мифическими подробностями. И то, что в этот день была жуткая гроза, повалившая старую липу прямо в пруд рядом с нашим героем, и то, что от обиды он поймал одного лебедя и изжарил, и даже то, что вылезая на берег он увидел прогуливающегося по алее на задних лапах огромного чёрного кота – конечно же мифы чистой воды. Зеленоватой воды Патриарших пудов.

\* \* \*

Оттуда, из книги Булгакова, мне, тогда ещё не бывавшему в Москве, Патриаршие пруды виделись совсем иными. Я не мог даже представить, что они так туго стиснуты со всех сторон высокими домами. Представлялось, что Берлиоз и Бездомный шли по алее под липами чуть ли не вечно. Собственно, воображался просторный парк, упирающийся в достаточно

широкие для хождения трамваев и прочих экипажей московские улицы. А уж расстояние оттуда до «Грибоедова» (нынешнего моего ВУЗа), которое я преодолеваю пешком за десять минут, в моём читательском воображении было совсем фантастическим. А как же иначе – ведь с Бездомным за весь этот короткий путь произошло столько приключений. Тут внимательный читатель резонно поправит – ведь Иван сначала вышел на берег Москва-реки, а это действительно большой крюк. Именно что крюк – откуда мне, несведущему, было знать, что три эти точки не на прямой, и что Бездомный после купания практически возвращался назад, в район Малой и Большой Бронных улиц. Такая вот иллюзорная для непосвящённых топография.

\* \* \*

Родиться и вырасти в этих дворах на Малой Бронной на мой взгляд – счастье. Счастье, которого я лишён, как и миллионы прочих, счастливых и не очень, идущих утром по своим работам или по каким-то причинам пребывающих в иных местах людей. В иных местах, не на Малой Бронной или Патриарших прудах. А те, кто родился и жил здесь – насколько они его понимали, это своё счастье. Вон на той скамейке сидит бедолага-алкоголик, пьёт пиво. Он много чего рас-



сказывал про пруды, коих раньше было три, про дом напротив липовой аллеи, в котором он родился и проживает уже шестой десяток лет. Шестой десяток своей не сложившейся жизни, несмотря на выпавшую ему фатовую карту – жить чуть ли не в центре мироздания... Сколько хитросплетений тайных ниточек управляет марионеткой нашего земного существования – ни какой посторонний зритель-театрал не выстроит идеальный сюжет, сколько вводных ни были бы ему известны. Это только мифы таких, как Патриаршие, замечательных мест рождаются и развиваются легко, логично, красиво. За это мы их и любим – эти места с их затейливыми мифами.

2016

## У озера

Машина вязко чавкала глиной из разбитой колеи, с ней предстояло немало повозится, и мы, приехавшие в заказник «Забеловский», спешили. Уже лишь несколько сотен метров отделяло нас от кордона.

Середина апреля. Ночью – минус пять, днём – плюс семь. Редкие деревья вокруг ещё голые, а на пространствах меж ними – по пояс луга жёлтого прошлогоднего вейника. Ну, прямо таки саванна зимой, если уместно такое сравнение. По колее среди высохшей травы подходим к протоке, за ней – кордон, где нас давно ждут. Переправляемся с поклажей на резиновой лодке, и вот мы уже «дома». Кордон, располагающийся на высокой рёлке – это двухэтажный деревянный дом, банька, стоящая неподалёку, и рядом – строительный вагончик. Пахнет свежеструганной доской. Усадьба заказчика ещё строится. На днях обещают доложить печку в основном здании, а пока – располагаемся в тёплой баньке и в вагончике.

Забеловка – место уникальное. Здесь, в отдалении от больших дорог и посёлков, под надёжной охраной пограничных застав, сохранился ещё нетронутый разрушительной силой хозяйственной деятельности участок амурской поймы, с озёрами, лабиринтом петля-

ющими сонными протоками, зачарованными высоко-  
травными лугами, негустыми, но обильными живно-  
стью перелесками – рёлками.

Сейчас, в середине апреля, над этими места-  
ми идёт пролёт многосотенных стай водоплавающих  
птиц, гусей, лебедей, уток, куликов, возвращающихся  
из тёплых стран на родину. Озёра заказника служат  
им хорошим естественным пристанищем, где можно  
вволю почистить перья уставших крыльев, отдохнуть  
на воде, подкрепить силы изобилующей здесь рыбой  
и лягушками.

– Вон они, серые гуси, примерно полторы сотни  
в клине, – говорит, глядя в полевую подзорную трубу  
наш орнитолог Андрей, и переведя взгляд объектива  
на серебристую кромку озера, подзывает к окуляру, –  
смотри, вон там, чуть справа, лебеди-шипуны. Пять  
штук.купаются.

Следующим утром сквозь зоркое око трубы рас-  
сматриваем пару даурских журавлей, важно ступаю-  
щих вдоль самой кромки берега. Неподалёку, описы-  
вая широкие круги над замершей мелководной лагу-  
ной и вдруг камнем падая на ещё сонную рыбу, охо-  
тится царственный орлан-белохвост, самый крупный  
пернатый хищник этих тихих мест. Впрочем, таких ли  
уж тихих? Гоготание, воркование, курлыкание, кряка-  
ние, не прекращаются до самых сумерек. А утром,

каждый день ровно в шесть тридцать, нас будит за-  
тейливой трелью какая-то маленькая жизнерадост-  
ная птичка, видимо, на её языке это что-то вроде «Ну-  
ка, солнце, ярче брызни!...»

День проходит для биологов в хождениях вдоль из-  
вилистых протоков, наблюдениях за птичьим населени-  
ем, ихтиологи делают замеры уровня воды, проводят  
контрольные ловы рыбы. Рыбе здесь тоже привольно,  
особенно в многоводные периоды. Сюда, в зарос-  
шее по берегам камышами мелководное илистое За-  
беловское озеро, начиная с ранней весны, чуть ста-  
ет амурский лёд, во множестве устремляются щу-  
ки, караси, сазаны... К концу мая, когда вода доста-  
точно прогреется, здесь появляются другие, жадные  
до обильного корма гости – сомы, толстолобы, змее-  
головы, заходит и белый амур, а с ними несметные  
отряды стайных амурских рыб помельче – чебаков,  
востробрюшек, подустов, пескарей...

Конец мая. Наш второй выезд на кордон. Вода при-  
была, егеря говорят – «у рыбы – жор». Теперь мож-  
но порыбачить в охотку на спиннинг и удочку. Раннее  
утро. Вдвоём с Константинычем спускаемся к прото-  
ке. От воды парит туманом, болотники наши вымы-  
ты росой высокотравья, ещё не успевшие стряхнуть  
сладкую утреннюю дрёму, подходим к пологому бере-  
гу.

Константиныч забрасывает удочки и буквально через минуту выуживает карасика с ладонь. Ловим карасей, иногда попадаются коньки. Для разнообразия решаю «обновить» спиннинг, забрасываю с живой насадкой – гольяном, ставлю на рогулинку и предаюсь отдохновенной рыбацкой беседе со своим спутником. Вдруг – треск катушки, спиннинг падает в воду. Времени для размышлений нет – прямо за леску, осторожно, без рывков, начинаю выуживать, иногда даю слаби-ну, иногда – подтягиваю... И вот через несколько минут перед нами – амурский сом собственной персоной, килограмма на полтора.

Странно менялось моё отношение к рыбалке и водным обитателям. С детства любивший посидеть с удочкой на берегу реки, я никогда не воспринимал рыб, как в полной мере живых, что ли. Ну, выловишь пескаря или гольянчика, который через пару минут безвольно повиснет на кукане, смотришь на него, как на будущий кошкин ужин, некий дар природы, наподобие лесных орехов и земляники... А вот при ловле крупной рыбы, сомов, сазанов, особенно – хищных щук, возникает другое видение. Видишь перед собой сильное животное, умное, приспособленное к своей среде обитания, с которым хочется говорить «на вы». Щука, попавшаяся в сети, наверняка ощущает ситуацию, как досадное недоразумение, когда выпутыва-

ешь её – берегись усеянной зубами волчьей пасти – так просто свою свободу и жизнь она не отдаст...

Вечером – ароматная уха, опять традиционные рыбацкие рассказы. Вот и звёзды бледными маячками мигают над серыми строениями, сонными травами, чахлыми осинками с ведьмиными мётлами колдовского куста друидов – омёлы.

Ночью Забеловка преображается, превращается в заколдованное место, обиталище сказок, смутных предчувствий, загадочных происшествий. Орнитолог Алексей, большой мистик, однажды ночью отправился за спичками на второй этаж недостроенного дома. Вернувшись в тёплый вагончик, озадачил нас рассказом о маленьком приключении. “ – Поднимаюсь наверх по лестнице, и вдруг чувствую – кто-то ухватил меня за пятку, и настойчиво так дёргает... От неожиданности я свалился вниз. Не иначе, как леший свои шуточки шутит!» – абсолютно уверенный в происках магических сил, Алексей и нас невольно заражает древним чувством мистического трепета. Мне приходят на ум страшные истории из пионерско-лагерного детства. Пытаюсь уснуть, но напряжённый слух вылавливает из окружающей в меру квакающей и стрекочущей тишины таинственные звуки, гнездящиеся где-то рядом, возможно под вагончиком. Кто-то скребётся, фыркает, сопит, и достаточно громко. Уж

не очередной ли леший? Егеря смеются: “ – Ваш леший уже с неделю как облюбывал себе под вагончиком логово. Это енотовидная собака, людей она не очень-то боится, может жить без особых стеснений рядом с нами.»

Из крупных животных в непосредственной близости от кордона егеря не раз встречали косулю, барсука; резвилась в протоке неподалёку грациозная выдра. Рядом с нашей обителью проходили и медвежьи тропы, в этом сезоне территорию барьерных валов-рёлок вдоль Забеловского озера и низины окрестных протоков делили целых три этих крупных хищника – два бурых и один белогрудый. Однажды машина наша «села» в разбитой вездеходной колее, выскочили её вытаскивать, и вот кто-то первым заметил в вечерних сумерках тёмное движущееся пятно метрах в ста за болотцем. “ – Никак, мишка! Небольшой, чёрный, похоже двугодок.» И понеслось, по извечной народной традиции – улюлюканье, гуканье, мол «держи его, косолапого!» Какой – «держи!», мишка опрометью, ломая ивняк, кинулся в бегство, подальше от шумной незнакомой компании и урчащего серебристого сооружения, ничего хорошего от нас не ожидая.

И ещё одна необычная встреча запомнилась мне надолго. Выезжали с егерями из заказника. Ехали вдоль вспаханной пограничной полосы, на очередном

повороте Владимир прибавил скорости: “ – Смотри, косуля вдоль колючки бежит, давай догоним!» По сей день жалею, что не было с нами видеокамеры, а плёнка в фотоаппарате кончилась. Метров с десяти рассматриваю крупные белые пятна на боках залётного гостя: “ – Какая же это косуля, особо крупный новый вид, что ли? Это – пятнистый олень, взрослая самка.» Так едем рядом с невиданным в этих местах зверем ещё минут десять, затем, притормозив, даём оленихе уйти в сторону Амура. По какой иронии звериной судьбы забрела сюда это теплолюбивая особа? Егеря потом рассказывали, что встречали в районе заказника и самца. Значит, пара оленей по зимнему льду перебежала к нам с китайской стороны Амура. И чего искали? За последние сорок лет ближайшее оседлое стадо, не больше десяти оленей, обитало в низовьях реки Хор, но это было давно. Хотя поручиться, что на юге Хабаровского края не бродят ещё отдельные группки этих животных, никто не может. Очень грустно, что судьба этих таёжных красавцев так сильно зависит от случая – многоснежные зимы, резкие холода, наводнения, и всё чаще зловещей рукой судьбы становится рука браконьера – как и в истории с нашей оленихой, отстрелянной в тех местах через несколько месяцев.

Начало июля в заказнике – время кульминации,



раскрытия, фейерверка красоты и мощи приамурского зелёного царства. Налитые соком высокие некошеные травы, на водоёмах густая сеть водной растительности, молодые побеги деревьев уже в полный рост вытянулись поближе к солнцу, их крупные листья, светлые и нежные по весне, уже окрепли, замахнулись и по цвету теперь не отличаются от всего густого населения кроны. Место первоцветов заняли степенные и душистые цветы зрелого лета. Медоносные иван-чай, леспедеца, спирея, рябинник, и ещё великое множество цветов и цветочков определяют дух высоких луговин по окраинам рёлок. А чуть выше, под сенью негустого дубняка, среди осинок – чудо местных лиственных лесов – раскрывающиеся поглощающей любого пришельца ароматной тайной бело-розовые пионы. Мы ещё на расстоянии десятка метров от «пионовой рёлки», а стойкий чудодейственный эфир уже увлёл нас, накрыл с головой. И кажется, что ни какой это не «медвежий угол», а сад феи, где исполняются любые желания, что это торжество мира запахов – непреходящее, вечное, и нет суеты гудящих где-то муравейников-городов, и нет неразрешимых проблем, а истина существования дана нам здесь и сейчас. Она озарена бледно-розовым свечением цветка, подчёркнута очертаниями его лепестков, движущаяся, парящая в пьянящем эфире на кры-

льях-лепестках, трепещущих от прикосновения лёгкого ветерка.

Вечером на небольшой плоскодонной лодке пробираемся по протоке к озеру, проверить контрольную сеть, именно пробираемся, так как протока на участке выхода из озера мелка, разбита на множество рукавов наносами песка и ила, вход в озеро сильно зарос кувшинками и розетками водяного ореха. На протяжении пути до середины озера, а это более километра, глубина постепенно увеличивается, если в начале нашего движения сотни метров лодка чуть ли не «ползёт на брюхе», то на середине, где выставлены сети, под нами метра полтора воды. После морских путешествий мне странно сознавать, что вся эта заполненная водой чаша, где дальний край чуть обозначен голубеющими на горизонте перелесками, настолько мелководна. В заливе подобной площади на таком удалении от берегов под нами было бы, как минимум, метров двадцать своенравной солёной воды. А тут даже шторм грозит разве что задержкой к ужину, сбитыми от вёсел ладонями, в худшем случае – перевёрнутой лодкой и купанием в мутной илистой жиже.

Вот и сети. Выпутываем нескольких зазевавшихся сазанчиков, коньков, пару карасиков. Все эти рыбы находят здесь пищу на илистом дне. Ближе к берегам, рядом с прибрежной растительностью больше разно-

образных обитателей – там есть и большой выбор пищи, и места, где можно укрыться от хищников. В камышах, чавкая, лениво плавают сазаны, ворочают лопастями хвостов сомы. На обратном пути у берега ловим на спиннинг карасей, сомовиков, косаток. Прибрежная богатая растительностью полоса – наиболее продуктивная зона озера, и в маловодные годы, когда кромка воды не достигает обычной береговой черты, рыбы в озере значительно меньше.

Закат над озером. Солнце уходит, рубиново-розовые сполохи тонут в засыпающей озёрной глади. Небо остаётся светлым ещё более получаса – время пить чай и подытоживать впечатления прожитого дня. Заповедные места – в чём смысл сохранения таких нетронутых уголков, кроме прагматической выгоды от оставленного «на потом» природного резерва? Амур живет, дышит лёгкими прибрежных лесов, нежится на травах пойменных лугов во время разливов, кормит, поит, предоставляет убежище птицам и лесному зверью. Если бы это было возможным, пойму Амура стоило бы освободить от бремени человеческого влияния, использовать её с максимальной осторожностью, сохранив уникальные прибрежные сообщества растений и животных. Об этом остаётся только помечтать. Посмотреть на вновь загорающиеся над озером, как и сотни лет назад, звёз-

ды, прислушаться к шелесту лёгкого ветерка в кронах осин, черными силуэтами высящихся над нашим костром. Завтра возвращаемся в город, планируя новую встречу с озером на следующую весну. Как примут нас эти места в будущем году, через два года, через три? В планах природоохранных организаций – создание на побережье озера рекреационной зоны, мест регламентированного отдыха. Насколько потревожат «организованные» туристы обитателей заказника? Возможно, это меньшее зло, чем «дикие» отдыхающие и браконьеры...

Вот так, с котомкой впечатлений и вопросов, покидаем эту замороженную живую землю. Пока – живую...

® журнал «Родное Приамурье», №4, 2003

# КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

## Хрупкость мира

Засыпая, хочу вспомнить бабушку. Не бабушку даже, саму по себе, а бабушкин дом. И даже не бабушкин дом, а вот то окутывающее ощущение покоя, защиты и одновременно – какой-то сказочности, что согревало меня, когда в детстве случалось ночевать у бабушки.

Обязательно – печка, обязательно – огромные часы-ходики с тяжёлыми гирями, притаившиеся на дальней стене. Ну, и кот, конечно же, обязательно какой-нибудь полосатый Васька. Муркает себе под тиканье ходиков, а дух печной вместе с запахом бабушки проникает всё глубже в моё дыхание, во всё моё существо, в мои сны... Хорошая ли была бабушка? Там, в детстве, конечно же – очень хорошая. И дом – большой, в пять комнат, деревянный, семейный, тоже был очень хорошим и надёжным. Почему-то эти ощущения, запрятанные в дальних уголках памяти, дают мне заряд оптимизма, словно утром можно будет проснуться, и начать жизнь без помех, только так, как хочется, и в то же время – как правильно.

А мир будет принимать тебя, распахивая объятия широких росистых лугов на берегах той реки, в которую можно войти и дважды, и – всегда, всякий раз смывая с себя нарисованные одежды суетных странствий. Ах, как важно это прочувствовать – мир принимает и любит тебя, потому что ты для него родился, а он – твоя большая люлька, и всё движение в нём – лишь бережное качание заботливой рукой...

1991

## Вчерашний дождь

Дерево на холме под дождём. Косые кнуты исхлестали зелёные листья, как экзекуторы-инквизиторы. Но сейчас середина лета и зелёные листья пока ещё крепко держатся за свою мать-ветку. Часто в преддверии сна вижу эту картину...

Вот молния-вспышка озарила дерево на фоне свинцового неба, и словно свинец вдруг стал плавиться и стучать по листьям тугими каплями. Холодно и дерево совсем озябло. Между тем свинцово-серый вечер медленно перетёк в ночь. Сегодня полнолуние, и большое небесное око уставилось на эту картину с желанием осмыслить по-новому в общем-то банальный сюжет. Сначала луна была красной, видимо, спросонья. Затем остатки туч над ней расступились, ветерок протёр воздушную линзу, и око луны стало таращиться во весь зрачок, приобретая жёлто-белёсую окраску.

Но луна ничего необычного не заметила. Всё так же стояло дерево, и листья его были такими же зелёными, только вот дождь стал лить потише, вскоре и совсем прекратив свою массированную атаку.

И кто-то стоял в эту ночь под деревом, и этот кто-то видел всё, даже то, что скрыто от человеческого

и небесного взора. Сначала он увидел каплю. Капля, конечно же, думала, что она – маленькая звезда, которая по чьей-то злой воле случайно не удержалась на небе. Однако сейчас это её уже мало тревожило. Её температура равнялась уже температуре листа, на который она упала, но листу всё равно она казалась ей уж очень мокрой и холодной. Лист зябко поёжился и капля сползла по нему, оторвавшись от края она упала на землю. «До чего же ядовито-зелёное это земное создание» – с отвращением подумала капля, стекая в пористую почву, всё глубже и глубже протискиваясь по подземному ходу дождевого червя.

Ну, вот и конец тоннеля – капля почувствовала под собой твёрдую опору. А тот, который всё видел, сразу понял, что на пути капли встретилось зерно, хотя капля об этом и не догадывалась. Капля только лишь успела заметить, как это нечто, в которое она уткнулась, открыло несколько маленьких ротиков-пор и стало её потихоньку выпивать... Она только и успела подумать «А как же небо?!».

Между тем настало утро и вошло дневное, крававо-красное спросонья, небесное око. Оно тоже не увидело на земле ничего необычного. Обыкновенное для него зрелище – под старым всклокоченным дождём деревом пробивался новый росток. Но тот, который всё видел и не уходил отсюда всю ночь, услышал,



что несколько молекул воды, живущих в соке первого листка, прошептали: «А что, зелёный цвет мне очень даже к лицу»...

*1987 – 2017*

## Заметки мимоходом

Вдоль хрустального края мироздания, мелкими сменяющимися шажками, почти на ощупь, ты снова идешь, как будто бы ничего не случилось, как будто бы в скрижалях еще не выверены записи всех судеб, путей и стремлений. Вот так, только так, будто бы все ещё только начинается, всё всего лишь в проекте... День сменяет ночь и наоборот, но кто сказал, что так было и будет всегда? Теплым днем идешь, пропуская сквозь себя город и иные пространства, утрачиваешь, постоянно утрачиваешь ощущение первожданного молчания. Мысли, точно Псы, одна за другой срываются с цепей, и гонят, гонят тебя всё дальше, дальше, в очередной темный переулок утомительного бреда.

А ты лови, лови ноздрями, ртом, клочья той первожданной тишины, и швыряй псам, пусть хоть на время отстанут, потеряют твой след... И может тогда ты хоть на несколько минут придешь в себя, вернешься к себе, успеешь бросить беглый взгляд вокруг и, как бессловесное существо, останешься один на один с этим хрустальным

миром, переполняясь одним лишь его мерным дыханием.

Чего нет – того нет. Нет должной удали чтобы, к примеру, прыгнуть с высокой – высокой крыши и ждать, когда раскроются крылья за спиной. Нет нужного куража чтобы, к примеру, ограбить банк или подгулявшего ночного прохожего. Не хватает смелости даже на то, чтобы схватить с лотка палку колбасы и бежать, бежать очень быстро, пока не стихнут крики и надсадное дыхание преследователей за спиной...

Есть лишь шаги по краю, царапающая досада от невозможности вместить в себя это звенящее марево дня, или в нём вместиться во всей полноте своей души... Лица, лица встречных, разные, очень разные каждый раз, в зависимости от смены твоих настроений. И спрятаться от них некуда. Идущий по краю – будь осторожен! Это мысли-Псы загнали тебя в очередной бредовый лабиринт и бегут по пятам...

## В магазине

Когда скучно и не к чему приложить взгляд, я обычно иду в какой-нибудь крупный магазин, лучше – вещевой, дабы не возбуждать понапрасну аппетит. Не важно, имею ли я в действительности цель приобрести здесь что-нибудь, главное – было бы достаточное разнообразие для хоть какого-нибудь полёта мыслей по поводу...

На первом этаже, сразу справа раскинулся большой зал ювелирных изделий, усыпавший, как в гробницах под стеклом, огромное множество этих изделий на астрономическую для простого смертного сумму. Подхожу к одному из саркофагов. Главное – взгляд держать любопытный, и в то же время не очень заинтересованный, чтобы с одной стороны, не произвести впечатление растерянного простака, которому в сей же момент расторопные «служительницы культуры» обязательно попытаются всучить что-нибудь, и, с другой стороны – конкретного покупателя, который сейчас желает, чтобы ему продали «вон то кольцо» и пр. Золото люблю с чуть красноватым отливом, а серебро – тёмное, с черноватой «изморозью» на гранях узоров и бороздок. Маленькие кулоны, волнующие взгляд каплеобразными формами, словно зре-

лыми ягодками заманивают в искусственную фантазию садовника-ювелира. И словно наяву видишь те ланиты, меж которыми мог бы поселиться кулон, не внося дисгармонии в естественные линии выступов, ямочек, бугорочков, предавая завершенность всей композиции благоухающей торжествующей и таинственной женственностью декольте.

Или, например, кораллы... Точнее, изделия из них – ожерелья, браслеты... Узоры на бусинах из розовых кораллов похожи на юпитерианские, застывшая магма. Красные бусины – леденцы какие-то. «Карл у Клары украл...». Лучше бы наоборот, подарил. Хотя, наверняка ведь подарил какой-нибудь новой юной короле – Кларе они всё равно не шли... А как их рубят на дне морском? Как деревья или вырубают из рифа, как антрацит? Загадочный всё-таки самоцвет коралл.

2015

# Один день из жизни Этьена и Лизиар (фантазия в духе Бориса Виана)

Этьен стоял у широко распахнутого окна и смотрел на звезды. Сегодня звезды блестели не слишком ярко и Этьен уже приготовил платочек черного бархата, чтобы протереть их. Вдруг его тонкий слух уловил некое движение в дальнем конце залы. «Это вошла Лизи,» – подумал он. Чтобы не испугнуть ее, Этьен не позволил себе даже повернуть головы. Он, как ни в чем не бывало, продолжал смотреть на звезды.

Прошло десять минут. Мышцы ног и спины уже устали быть в напряжении, но обернуться – означало порушить первозданность встречи. Шагов Лизи он так и не услышал. Очередной порыв ветра скрипнул дверью, и Этьен понял, что ошибся.

« – Какая электрическая сегодня ночь,» – подумал Этьен, и направился в ванную комнату. Огромное зеркало, стоявшее напротив двери, приняло его в свои глубины. На Этьена смотрел юноша с огромными синими глазами, высоким открытым лбом и пепельно-желтыми волосами, свободно струившимися по его тонким острым плечам. Осанка юного лорда,

шелковая блуза цвета слоновой кости и черные атласные штаны предавали завершенность его нестаряющему образу.

Сколько ему лет, Этьен не знал. Здесь, на планете, придуманной Лизи, времени, которое старит и все стирает в пыль, оставляя лишь жалкий суррогат воспоминаний, всеильного времени – не было. Каждое утро, проснувшись, он помнил лишь только сон Лизи, в котором он появился на свет. И каждый вечер он, впервые в жизни, ждал ее появления во дворце.

Человек в зеркале откупорил бутылку красного вина, налил два бокала – для себя и для своей любимой.

Этьен в ванной комнате вина не нашел.

Человек в зеркале обернулся на звук шагов, и стремглав скрылся из поля зрения. Через минуту они появились вместе, рука об руку, Этьен и Лизи.

Рядом с Этьеном, смотревшим в зеркало, Лизи не было.

– Ах, какое славное вино! – сказала Лизи в зеркале, едва пригубив. Этьен в зеркале, затаив дыхание, смотрел на нее во все глаза. Губы Этьена и Лизиар в зеркале слились в поцелуе, самом трогательном и нежном на все времена и вселенные. В зеркале погасли свечи.

Этьен в ванной омыл лицо лавандовой водой, и отправился спать. В эту ночь, как впрочем, и всегда, ему

снова приснилась Лизи.

*2003*



# Кофейня

...вечером. Этим серым влажным июльским вечером. Лицо моё чувствует дождь. Вот ещё одна капля упала на щеку, и покатилась вниз, словно слезинка.

А там – тепло и сухо, драпировки в розовых тонах, оранжево-красно-коричневые жидкости в пурпурных фужерах, уютные столики и стойка твоего бара...

...мочки твоих ушей осторожно щекочет лёгкая музыка, джаз. Ты смотришь на него, очередного посетителя кафе, и твои губы произносят привычное: «что будете?...»

Твой искусственный румянец, как всегда, невозмутим. Интересно было бы увидеть, как ты умеешь улыбаться. Бывает, я даже сомневаюсь, а умеешь ли вообще?

Весьма ограниченное пространство заполнено до отказа приглушенными звуками музыки, разговорами, блеском радужных оболочек глаз различных цветов. Твои – серые, той редкой глубины осеннего серого неба, которая бывает видна в октябре сквозь занавес дождевых капель, пытающихся скрыть эту безбрежность от моего взора.

Вот и на этот раз я совершенно не могу представить, что там, в этой глубине. Так и не заговорил с то-

бой, не осмелился приблизиться к твоей тайне, если она и прячется там, в этой серой дымчатой стихии...

Так и не сделав заказ, я вышел из кафе. Иду сегодня под дождём без зонта, поскольку погода в этом городе меняется по нескольку раз на день. Город всем своим вечерним монотонным гулом погружается в облако ночного тумана, а капли всё чаще касаются моих рук, волос, одежды...

Этой ночью...

*1987 – 2017*

## Тронулся лёд

Шорох за спиной. Она обернулась. Человек оказался незнакомым. Как он попал в ее комнату?

– Как вы попали в мою комнату?

– Ты сама меня впустила час назад.

– Не может быть! Час назад я спала.

– Ты не спала. Ты открыла мне дверь...

– Замолчи! Не хочу слушать твою наглую ложь! Ты проник в мою комнату, когда я спала. Не знаю, зачем тебе это было нужно. Ты вор? Насильник? Признавайся, что ты здесь делал! Я проснулась, решила воды выпить, а тут ты...

– Нет. Всё было совсем не так. И почему мне приходится рассказывать это тебе, словно бы не о нас, а о ком-то другом.

– Ну, хватит врать! Замолчи, пожалуйста!

– Нет, теперь уж точно расскажу! Час назад я позвонил в дверь. Ты открыла. Ты узнала меня. Потом мы пили чай. Потом смеялись, рассказывая друг другу дурацкие анекдоты. Затем...

– Молчи! Не надо...

– Нет уж, скажу. Я скажу, от чего ты потом бухнулась в обморок и почему сейчас делаешь вид, будто бы ничего не помнишь. Затем ты поцеловала меня. Ну, нет

у меня родинки над губой! Ну, да, ты права, я – его брат-близнец, и до этого мы с тобой ни разу не встречались.

Но почему, почему это так много меняет!?!...

*2003*

# Новогодняя сказка

Старый Гофман уже закончил свой рассказ, а прилежные мальчики и девочки будто и не думали расходиться. Здесь, около уютно потрескивающего камина, они стояли и смотрели на старого Гофмана. Кое-кто вглядывался в каминную глубину, словно там, среди всполохов пламени, ему померещился оскал Мышиного Короля, или взмах сабли Щелкунчика...

– Вот и всё, дети, история на этом закончилась, бегите поскорее в свои спальни, и пусть добрая фея одарит вас всех завтра подарками...

Когда старый Гофман вышел из ворот дома кузена, солнце уже давно ушло за горизонт. В домах во всю шли рождественские приготовления, и казалось даже, что тепло и уют семейного праздника изливаются вместе со светом из окон на снежную улицу. «Фея, подарки...» – бормотал старый Гофман, продвигаясь по улице навстречу ветру, норовящему распахнуть его шинель. В некоторых лавках было ещё не заперто, в одну из таких он и решил заглянуть.

«– Игрушка, которая колет орешки? нет у нас таких, никогда не было. А... постойте, припоминаю что-то, но это очень-очень давно, ещё в моём детстве...» – лавочник поспешно натянул извинительную улыбку.

Старый Гофман почесал затылок, пытаясь вспомнить в точности, что любит его младший внук, оставленный сегодня дома. «Ну, тогда ореховые ядра в шоколаде, конфеты и вон ту прекрасную белочку из папье-маше...».

Фея, летающая над кроваткой внука, улыбнулась старому чудаку и взмахнула волшебной палочкой...

*2004*

# ЭССЕ

## Бродский, создавший себя

Рыбы в воде живут.  
Рыбы жуют кислород.  
Рыбы зимой плывут,  
Задевая глазами лёд...

Эти строки впервые прочёл я на машинописном листе нелегальной распечатки дома у потомственного питерского интеллигента, учёного, тогдашнего моего научного наставника. Шёл 1987 год, по стране вовсю шагала перестройка, а имя запретного поэта всё ещё оставалось неизвестным широким читательским массам, лишь отчаянные диссиденты и истинные любители русской словесности полушёпотом произносили – " это великий русский поэт, совершивший революцию в современной поэтике – Иосиф Бродский».

Читая стихи на пожелтевшей бумаге, я испытал странное ошеломляющее ощущение новизны, сродни открытию нового алфавита или первому озарению школьника, узнавшему, что дважды два – четы-

ре. Никогда ранее во множестве прочитанных стихов не сталкивался я с такой кристальностью, пронзительностью и глубиной. Кроме того, во многих стихах поражало само движение мысли в многомерном пространстве стиха – та неповторимая глагольность поэтики Бродского, которая стала её знаком, неповторимым и всегда узнаваемым почерком мастера.

Это был новый мир, доселе неизведанный, подаренный нам, привыкшим к иной поэзии, словно бы одним дыханием и росчерком пера. Нам, привыкшим чётко различать возможности двух жанров – поэзии и прозы, было показано – можно вот так, в единстве мысли и чувства, высокого стиля и приземлённого быта, классической формы и нового слога – говорить. И не просто говорить, а открывать миры, до невозможных пределов расширяя пространство логоса, вдыхая жизнь чувств в его структуры, семимильными шагами смирняя хаос перевозданной чувственности, переплавляя её мощным потоком мысли в фигуры нетленной красоты.

Прежде, чем говорить о поэзии Бродского, стоит обратиться к его биографии, даже не в смысле привязанности к датам (биографов Бродского на сегодняшний день множество), а в смысле становления его характера, как человека и как поэта.

Основная черта этого сложного характера – само-



стоятельность, во всех смыслах данного слова. Умение Бродского жить самостоятельно, вопреки окружающей социальной действительности, умение расти, зачастую оставаясь в пустоте, один на один с холодным Космосом иногда поражает. Поэт создаёт, лепит из осколков мироздания, включающих в себя и наследие культуры прошлых эпох, и многочисленные впечатления вещного мира, колоссальную фигуру Себя, отливая её затем в серебре слова.

Реалии, окружавшие поэта с детства – послевоенный Ленинград, обыкновенная советская средняя школа, полная семья, отец-фронтовик, как бы символизирующий человека советской эпохи, честно и не раздумывая отдающего этой эпохе всего себя без остатка... Откуда же зародилась в юном Бродском мысль об исключительности своего пути, о тесных воротах, через которые пройти можно только в одиночку? Конечно же, обладая природной одарённостью и недюжинным интеллектом, Бродский по мере взросления видит ту ложь тоталитарного «двоемыслия», с которой он не согласен мириться, поскольку его инстинкт свободы гораздо сильнее чувства «стадности», и даже инстинкта самосохранения, что характерно лишь для великих поэтов.

Из средней школы Бродский был исключён в старших классах, однако в отрицательном смысле на об-

разование поэта это не повлияло. Напротив, самообразованием он достиг таких высот, подступы к которым не могло открыть даже во многом добротное образование советской школы. Дело в том, что внутреннее стремление поэта к гармонии требовало гармонического образования, подобно образованию, которое давали в русской гимназии на рубеже XIX – XX веков.

Главная черта гармонического образования и воспитания – возвращение Человека, сопричастного мировой интеллектуальной и духовной культуре, от античности до сего дня. Именно это образование было платформой, на которой российская дореволюционная культура, в особенности – русская литература, возросла до небывалого уровня. К сожалению, оторванность советской школы от корней, её заидеологизированность, делала среднее образование в гуманитарной сфере однобоким и выхолощенным. Бродский «добирал» недостающей культуры сам, его пытливый ум обращался и к античной словесности, и к зарубежной (в основном англо-американской) поэтике, и к мировым религиям. День за днём, год за годом, он наращивал, словно мускулы, свою воистину всеохватную эрудицию, не просто как багаж знаний, а как инструмент для созидательной работы чувства и мысли.

Оборотная сторона такого чувства исключительности, непохожести, чуждости социальному большин-

ству – внутреннее одиночество, скепсис и мизантропия, всё более и более поражавшие душу поэта с годами. Видимо, ростки мизантропии и отчуждённости Бродского стали проявляться ещё в подростковом возрасте. Во всяком случае, в эссе Бродского «Полторы комнаты» мы не встречаем картин радостного детства, ностальгии по нему, или будоражащих кровь и захватывающих дух предощущений юношества, взрослой жизни. Всё серо, уныло, постыло, в доме и в городе – как в надоевшей келье. И только в щемящей тоске по родителям к горечи примешивается нота сердечной теплоты, выжившая среди сугробов одиночества и отчуждённости странника...

Итак, какие надежды питают юного поэта? Во-первых надежда в торжество разума над абсурдным бытием. И как следствие – вера в торжество Слова, в торжество живого Языка над безъязыким, бранным, преходящим миром материи, идеологии, власти. Во-вторых, вера в Сказочную Страну. Этой сказочной страной для Бродского становится «свободный», по его представлениям, демократический западный мир, всё то, что за «железным занавесом». И поэзия для Бродского становится не просто полем реализации творческого дара, но и мандрагорой, способной исцелить больную реальность, и отчасти – Волшебной Страной, где нет власти тиранов и возможны чу-

деса.

## **Ранний период творчества (1960 – 1972)**

В ранний период творчества у Бродского можно отчётливо проследить две ипостаси: «Бродский – продолжатель традиций поэзии Серебряного века, модернист, нео-классицист, энциклопедист» и «Бродский – борец с системой».

Наиболее близко творчество раннего Бродского к школе акмеизма, к стиху таких выдающихся поэтов серебряного века, как Мандельштам, Ахматова, Цветаева. Это выражается в любви к детали, к множеству описаний предметов реального мира, которые вплетаются в поэтическую реальность автора:

Джон Дон уснул. Уснуло всё вокруг.  
уснули стены, пол, постель, картины,  
уснули стол, ковры, засовы, крюк,  
Весь гардероб, буфет, свеча, гардины.

«Большая элегия Джону Дону»

В целом на принадлежность Бродского к модернистской традиции указывает характерный подход к построению сюжета с опорой на мифологию, дискретное изображение реальности, как бы мозаичная

подача впечатлений окружающего мира. Поэт-модернист зачастую видит хаос и абсурд жизни там, где предшественники искали гармонию и порядок.

Большое влияние на творчество Бродского имела поэтика английского барокко и англоязычная поэзия XX века (Томас Харди, Уильям Батлер Йетс, Уистан Оден, Роберт Фрост, Т. С. Элиот и др.). В частности, это выразилось в своеобразной спрессованной, свёрнутой метафорике поэта, которую часто использует Бродский. Подобные метафоры были наиболее характерны для великого англо-американского поэта Томаса Стернса Элиота. Сходная метафорика имеется и в русской поэзии – у Маяковского («Облако в штанах» и др.), у Пастернака, Цветаевой, Мандельштама. У Бродского второй половины 60-х мы находим:

И только ливень в дремлющий мой ум,  
как в кухню дальних родственников – скаред,  
мой слух об эту пору пропускает:  
не музыку ещё, уже не шум.

«Почти элегия»

Ещё одна особенность, унаследованная Бродским от англоязычной поэзии (Харди, Йетс, Элиот) – стихотворное повествование от лица вымышленного персонажа, в достатке наделённого психологическими

чертами и детальными сценами его жизни. В данном случае лиризм подчеркивался за счёт средств драматургии: прямой речи, жестов, подтекста. По поводу работы над подобными стихами Бродский писал: «Чувствую себя больше Островским, чем Байроном». Увоенные Бродским уроки англоязычной поэзии наиболее заметны в таких ярких произведениях раннего периода творчества поэта, как «Anno Domini», «Письмо генералу Z.», «Зимним вечером в Ялте», «Посвящается Ялте», «Подсвечник», «Горбунов и Горчаков», «Письма римскому другу».

Одно из открытий индивидуального поэтического стиля Бродского в раннем творчестве – жанр длинного стиха. В отличие от поэмы, длинный стих, который особенно характерен для Бродского в ранний период, зачастую не привязан к развитию и решению сюжета. Новаторство Бродского в длинном стихе, на мой взгляд, в первую очередь «количественное» – поэт обращается к данному жанру часто, легко овладевает его ритмикой и строфикой, чувствует себя в нём, как рыба в воде. Кроме того, нова повествовательность, некоторая «прозаичность» стихотворной речи в подобной форме.

Однако истоки длинного стиха Бродского, кроме поэзии Элиота и других представителей англоязычной литературы, мне видятся также в творчестве Эдуар-

да Багрицкого и Владимира Луговского. Оба этих поэта часто и удачно использовали крупные стихотворные формы, Бродский хорошо был знаком с творчеством обоих, особенно увлекался поэзией Луговского. Яркая и динамичная глагольность поэзии Багрицкого, особенности его работы с деталью, живописные описания сцены, на которой разворачивается сюжет, драматургия в стихотворном повествовании, обращение к балладам – всё это мы находим и в длинных стихах Бродского. Однако, если баллады и поэмы Багрицкого имеют ясный сюжет, то многие произведения Луговского уже без натяжки можно назвать «длинными стихами», например, «Сказку о зелёных шарах». Сходство языка, поэтики, глагольной мужской речи, можно найти в «Снеге», «Юности», «Белькомбе», иных стихах Луговского и в стихах Бродского: «Холмы», «Зофья», «Посвящается Ялте» и др. Параллелей в стилистике этих произведений так много, что они вряд ли могут быть случайными.

Молодой Бродский рвался к свободе, мечтал выводить у мироздания его тайны, желал навязать жизни свои лучшие чувства. Природа в стихах этого периода является не только фоном и сценой, но и действующим лицом, источником сил жизни и смерти.

Что ж. Замри и смотри в небеса

до поры, когда облачным пряхам  
нужно вдруг превращаться в леса,  
становиться оврагами, скажем,  
набегая кустом на глаза,  
обращаясь к сознанию пейзажем.

## «Полевая эклога»

Образ родины у молодого Бродского всегда связан с пронзительной грустью, почти ностальгическим чувством утраты. Бесприютность, какое-то отсутствие своего места под этими балтийскими небесами, даже в атмосфере сказочного предчувствия Рождества («Рождественский романс») – затерянность, лирический герой – посторонний. Однако эта неприютность несёт в себе и поразительный дар личной свободы:

Воротишься на родину. Ну что ж.  
Гляди вокруг, кому ещё ты нужен...?  
Как хорошо, что некого винить,  
как хорошо, что ты ни кем не связан,  
как хорошо, что до смерти любить  
тебя ни кто на свете не обязан.

## «Воротишься на родину»

Наиболее социальным, точнее, антисоциальным



произведением поэта в ранний период стала написанная в 1967 году, после возвращения в Ленинград из ссылки «Речь о пролитом молоке». Горькая и едкая досада разливается по всему тексту этого резко и нервного произведения. Досада на существующий строй, царящие в обывательской среде бездумность и бездушность. Конечно, Бродский идеализирует неведомый ему мир вне Советского Союза, но это примета эпохи, результат того гнёта, который испытывает умный и талантливый индивидуалист в обществе «шагающих в ногу»:

Жизнь вокруг идёт как по маслу.  
(Подразумеваю, конечно, массу.)  
Маркс оправдывается. Но, по Марксу,  
давно пора бы меня зарезать.

Когда Бродский думает о личном счастье, идиллией в этот период ему представляется затворническая жизнь вдали от социальных бурь и тиранов, лучше — вместе с единственным понимающим и любимым существом:

«...если выпало в империи родиться,  
лучше жить в глухой провинции у моря.»

«Письма римскому другу»

Мы будем жить с тобой на берегу,  
отгородившись высоченной дамбой  
от континента. В небольшом кругу,  
сооруженном самодельной лампой.

М.Б.

## **Средний период творчества (1972 – 1986)**

Средний период творчества поэта – это первые 10 – 12 лет эмиграции. Как замечает Е. Невзглядова, «ранний и поздний Бродский отличаются, как два не похожих друг на друга человека: первый – горячностью, второй – холодом». Однако в «средний» период «остывание» Бродского, на мой взгляд, не слишком заметно – ещё велико притяжение к местам, которые он оставил, к оставленным на родине любимым людям.

Именно в этот период Бродский посвящает ряд стихов своей возлюбленной М. Б. В стихах Бродский пытается переосмыслить самый факт своей любви, рассматривая свои чувства и их объект с различных метафорических позиций. Стихи эти полны искреннего чувства и драматизма, поэт всё ещё не может до конца осознать расставание, смириться с ним:

Я бы заячьи уши пришил к лицу,  
наглотался в лесах за тебя свинцу,  
но и в чёрном пруду из дурных коряг  
я бы всплыл пред тобой, как не смог «Варяг».

Метафорика стихов Бродского этого периода всё так же красочна и многосложна. Поэт продолжает расти «вширь» – расширяется география его поэтических описаний («Сан-Пьетро», «Колыбельная Трескового мыса», «Декабрь во Флоренции» и др.), поскольку Бродский много путешествует в это время. Кроме того, в поэзии этого периода много обращений к историческим событиям и местам. Продолжается работа над изображением пространства, в стихах всё более присутствует «геометричность», рельефность метафоры и фразы как бы дополнительно подчёркивается рельефностью изображаемых пейзажей. Этим достигается эффект единения движения мысли, слова и текучего бытия:

На воздушном потоке распластанный,  
одинок,  
всё, что он видит – гряды покатых  
холмов и серебро реки,  
вьющейся точно живой клинок,  
сталь в зазубринах перекаатов,  
схожие с бисером городки

Новой Англии.

## «Осенний крик ястреба»

Бродский в своём росте и развитии в эти годы пытается по максимуму использовать ту личностную свободу, которой ему так недоставало на родине. Вот что он сам говорит о положительных моментах эмиграции: «Что нравится лично мне, так это то, что здесь я был оставлен наедине с самим собой и с тем, что я могу сделать. И за это я бесконечно благодарен обстоятельствам и самой стране. Меня всегда привлекал дух индивидуальной ответственности и принцип частной инициативы... Вообще, чтобы жить в чужой стране, надо что-то очень любить в ней... Я особенно люблю две вещи: американскую поэзию и дух американских законов».

Однако родина не отпускает так просто, Бродский пытается с новых позиций переосмыслить её прошлое, настоящее, будущее. Так, в 1986 году возникает одно из самых необычных его произведений, которое по своей структуре и стилю может быть отнесено к постмодернизму – «Представление». Это одновременно и коллаж и буффонада. Мозаичность гротескных исторических аллегорий, частушечная и просто-народная речь, реалии советского быта – все детали

толпятся, перебивают друг друга, всё как будто вопиет – доколе! Драматичность голоса поэта на грани исторического срыва. Средствами злой и горькой иронии Бродский спрашивает у мироздания – когда его родина будет счастлива? И не находит ответа...

Бо, пространство экономя, как отлиться в форму  
массе,

Кроме кладбища и кроме чёрной очереди к кассе?

.....

«...Это – кошка, это – мышка, это – лагерь, это –  
вышка,

это – время тихой сапой убивает маму с папой».

В эти годы Бродский упорно занимается разговорным и литературным английским, пишет прозу на английском языке. Так появляется его блистательная эссеистика, поэт получает признание в литературных англоязычных кругах.

## **Поздний период творчества (1986 – 1996)**

Поздний период творчества Бродского характерен тем, что поэт приходит к своей философской и личностной зрелости, как мужчина-воин, прошедший жизнь в странствованиях, поиске и борьбе. Холоднее и отрешённое становится его стих, он всё более об-

ращается к вечным темам. Показателен его интерес к библейским сюжетам. Несколько его стихотворений напрямую обращено к истории рождения Христа.

...младенец родился в пещере, чтоб мир спасти;  
мело, как только в пустыне может зимой мести.

### «Рождественская звезда»

До бесконечности раздвинув свои поэтические и личностные пределы, поэт к концу жизни осознаёт себя в пустыне, один на один с вечностью и Богом. Религиозность Бродского (в традиционном смысле) остаётся под вопросом, однако однозначно можно сказать, что мироощущение поэта – это мироощущение христианина, пустынника и затворника. Вот что пишет о мировоззрении позднего Бродского Елена Невзглядова: «он понял, что человек неизменен и миром правит абсурд, утвердился душой в роковой неизменности бытия, в бессилии ума подчинить себе ход вещей, – мир представился ему пустыней, он разочаровался в людях, в человеческих силах, – и те, что он смолоду чувствовал в себе, покинули его».

Разочарование в иллюзиях молодости, в упованиях на счастливую разделённую любовь, скепсис и переоценка образов прошлого, любимых, показательны

в одном из обращений к М.Б.:

Четверть века назад ты питала пристрастие к люля  
и финикам,  
рисовала тушью в блокноте, немножко пела,  
развлекалась со мной; но потом сошлась  
с инженером-химиком  
и, судя по письмам, чудовищно поглупела.

«Дорогая, я вышел сегодня из дому...»

Бродский свергает с пьедестала свою любовь, низводя наполнявшие его ранее и такие значимые чувства до уровня дешёвой оперетки... Как бы ни было это горько, но обесценить утраченное поэту легче, чем жить прошлым. В пустыне нельзя жить миражами.

Однако к смертности и бренности поэт относится философски – как настоящий воин, он ценит не награду, но – путь, вынося позитивный вердикт осмысленности своей жизни – она не напрасна:

И если за скорость света не ждёшь спасибо,  
то общего, может, небытия броня  
ценит попытки её превращения в сито,  
и за отверстие поблагодарит меня.

«Меня упрекали во всём...»

2009



# Остров Псой

Пробовали ли вы когда-нибудь представить все несметные сокровища мировой народной культуры одновременно? Танго и городской романс, клейзмерские мелодии и песни акынов Туркмении? Тексты Священных книг и бестселлеры Виктора Пелевина, «наше всё» классической поэзии и экспериментальные тексты постмодернистов? Сложно... А ведь всё это существует одновременно, и огромный поток информации лавиной ежедневно накрывает нас. В нём есть всё, стоит только быть в потоке и вовремя ловить его блестящие струи... «Остров, где всё есть» – смешная и немножко грустная песня об избыточности нашей цивилизации, которой прославился в эфире пресловутой передачи «Минута славы» Псой Короленко. Точнее, прославился герой Интернета и московских интеллектуальных клубных шоу Псой Короленко – видная сценическая фигура, а вместе с ним – оставшийся за кадром творец весёлого и беспредельного имиджа, шансонье, интерпретатор песен и текстов, вдумчивый и талантливый филолог Павел Эдуардович Лион. Это настоящее имя оригинального артиста, выступающего под экзотическим псевдонимом.

На острове из песни «есть всё» – от Басё до вкус-

ной колбасы, и непонятно, чего ещё желать. А вот на открытом Псоем Короленко острове народной культуры есть стихи и песни. Разных времён и народов. Причём поются они на разных языках, часто вне зависимости от языка своей родины, времени происхождения, традиционного канона. Метод Псоя – подать старое, зачастую затёртое традиционным исполнением произведение в новом свете аранжировки, в какой-нибудь совершенно немыслимой ранее интерпретации. И тогда слово и музыка оживают вновь! «Хочу сиять заставить заново..» – этот тезис Маяковского – про песни Псоя. Но не стоит считать оскорблёнными свои лучшие чувства, если вдруг из знакомого с детства патетического текста у Псоя получается «полный балаган». Балаган этот полон веселья, задора и оптимизма, однако не без философской иронии и грустинки...

Кроме городского фольклора, этнических песен, которые Псой поёт на разные лады, мастер смело экспериментирует и с текстами, ставшими классикой. Чего только стоит в его исполнении вокальная сюита на знаменитое стихотворение Есенина «Чёрный человек». Захватывает дух, и вместе с вкрадчивой интонацией псоевского пения-наговора в сознание проникают все гротескные, явные и неявные смыслы великого и трагического произведения, одного из лучших

есенинских творений. Застывшее в культуре, как монумент Псой «очеловечивает», пропуская через сердце, освещая новой осмысленностью.

Конечно, сам имидж Псоя, его фигура на сцене, наряд, позы зачастую гротескно комичны. Он играет на своей электронной клавишной «гармохе», напоминая тапёра в зале, где показывают немое кино. А с кадрами из этого фильма можно сравнить быстро сменяющие друг друга образы, аллюзии, шутки и многозначные фразы из песен. И вот, как ни странно, крупный, с окладистой марксовской бородой Псой на этом нашем острове цивилизации, откуда нам никуда не уплыть, начинает напоминать иную фигуру, иной образ эпохи немого кино... Да, это всё он же – маленький человек с большим сердцем, которого когда-то подарил кинематоргафу Чарли Чаплин. Если лишь небо множеством звёзд или город холодными огнями своих окон безучастно смотрят на твоё островное одиночество – можно ли говорить о чём-то очень всерьёз? И тут островитяне, и маленький Чарли и большой Псой, начинают ломать комедию. Очень искренне и очень всерьёз. Комедию – потому, что для обывателя спорить с небом и мироустройством – нелепо, всерьёз – потому, что наши герои иначе не могут. И тут их искренность долетает до островов нашего отчуждения какой-то странной, нелогичной надеж-

дой – всё непременно будет хорошо! Даже если никто ни чего нам не может пообещать. И на сердце становится тепло, как от любимой песни с дедушкиной пластинки, которую услышал в семь лет с кухни, уплетая бабушкины блины.

Конечно, в репертуаре Псоя Короленко есть и достаточно едкий бытовой юмор, напоминающий зачастую юмористические сцены из рассказов Зощенко, и явные пародии на известные произведения – артист выступает перед совершенно разной публикой и в любой обстановке не может себе позволить быть скучным. Но даже злободневные проблемы и ситуации сквозь ироническую призму творчества Псоя Короленко воспринимаются как канонические притчи «и было всё, и будет, и всё – суета сует», а непреходящее – искренность, сердечность и искусство.

*Опубликовано в газете «Биробиджанер штерн», 2014*

# Песня амурских просторов (о поэзии Ирины Метёлкиной)

«По улице, тихонько охая,  
глазами тёплыми мигая,  
траву неловкую сминая,  
бежали тоненькие лошади...».

Куда они бежали, откуда? Мы этот бег слышали?  
Где это?

В стихах Ирины Метёлкиной – одного из самобытных и талантливых поэтов Дальнего Востока, с которым нам посчастливилось быть земляками. Земляками по области – в данное время Ирина Метёлкина живёт и работает в районном центре – селе Ленинское.

Дух волен жить, где угодно. И для поэта часто не важно, где творить, о чём писать... А вот для читателя контекст важен, важно, чтобы живое, родное что-то задевало. Если у поэта это живое-родное – про конкретную околицу, и не забыл он упомянуть именно те самые размалёванные горшки на плетне – это одно. Оно может и хорошо, близко и понятно односельчанам, но чем дальше по географии – тем и от сердец дальше... А вот если про травы эти, плетни и сады

сказано так, что каждый узнает, прочувствует и к сердцу подпустит – не важно, что в деталях не совпадает размалёванный конёк в кубанском хуторе и в амурских сёлах – вот тут и начинается настоящая, большая поэзия.

Именно такая, которая родилась в 60-х годах в стихах нашей с вами скромной землячки Ирины Метёлкиной.

Неведомо, но есть село вдали.  
Там по ночам калитка тихо хлопает.  
Весной спадает голубыми хлопьями  
Черёмуха до голубой земли...

Неведомое село... Там, в нём находит отдохновение душа поэта. И этот индивидуальный миф, сказка, сокровенно хранимая Ириной Метёлкиной ещё со дней колыбельных песен, настоятельно заставляет её писать и говорить так, как она пишет и говорит. И чарует читателя сказка изумрудной молодой листвы, омытого, отплакавшего дождями ярко—синего неба, вечно ждущих счастья, раскрывающих душу ему навстречу, щедрых и сильных женщин...

Много стихов Ирина посвятила земной судьбе женщины, её счастьям—несчастьям, заботам и радостям. И почти в каждом подобном стихотворении – мысли о нём, любимом, это вечное ожидание: «...я

ждала Вас лето...», «А я—то думала, позвали, а мне казалось, что окликнули». Ответом на это часто звучит «Мне скажешь горькое – расстанемся...».

В лирических стихах Метёлкиной нет хеппи—эндов, будь это стихи о мимолётной любви или о сельской старухе—чудачке в телогрейке, которую вдруг вспомнили лишь когда её не стало видно на селе... Но вот так и живём, взаправдушно, без хеппи—эндов. А счастье... Оно есть, и звонко звучит в стихах Ирины: звякнувшей проснувшейся почкой, цоканьем копыт лошадей, шагами девочки, босяком бежавшей под весёлыми струями дождя... В мимолётности этой сеюминутной, ежечасной красоты вдруг обретается понимание первозданности природы и человека, протягивающего ей руку, какие—то самые важные, вечные смыслы жизни на земле. На этой сельской, иногда щедро вспаханной, иногда – неприглядной и заброшенной приамурской земле, где живёт и творит поэт – Ирина Метёлкина.

Какая осень, день каков!  
Душа оранжевым наполнена.  
Нас одарила осень поровну  
Сереневостью облаков...

Вообще, цветопись, звукопись – характерные приёмы в стихах Ирины. Поэт как—бы даёт попробовать

на вкус фактуру этого яркого, разноголосьем звучащего мира. И если найдутся издатели для книжки, то хотелось бы к ним и цветных иллюстраций, что ни сколько не повредит самодостаточности стихов.

Щедрая, яркая метафора, жизненность и внутренняя правота – чего ещё хотим мы, читатели, от поэзии? Всё это в стихах Метёлкиной в избытке. И ещё – обращение к внутреннему миру человека, роли и судьбе поэта – поскольку с нами говорит Поэт.

Мне голос даден был.  
Напоминая горна.  
Струился он из горла,  
Зарёю восходил.  
Мне был тот голос дан,  
Но алчущая счастья,  
Я тайно, не прощаясь,  
Ушла с толпой цыган...

Тема выбора дорог не нова, но каждый проживает её заново, а тот, кому дан голос, может по—новому сказать о вечном. Ирина – говорит. Она говорит «Да» широко распахнутому миру, любви, доброте, красотам полей и лесов. Будем внимательны, будем слушать и слышать.

Своими стихами Ирина Метёлкина говорит утвердительное «Да» – жизни.



Ну, вот и петухи. Стекает ночь по стёклам.  
И от щеки ладонь, намаявшись, бежит.  
Ах, только бы рассвет. Луч солнца первый только б.  
И можно снова ждать. Смеяться, плакать – жить!

На этой оптимистической ноте поздравим поэта, журналиста, мать, и просто – хорошего человека Ирину Метёлкину с юбилеем, пожелаем ей творческих успехов и обычного человеческого счастья.

*Опубликовано в газете «Биробиджанская звезда», 2009*

# Карнавал для карьериста

«Мне кажется, вот маску я сниму...» – незабываемые слова из известной всем песни. Однако, сия сентенция завершается выводом о невозможности порвать порочный круг, о смирении и довольствовании своей ролью: «Да, арлекин я, видно, неплохой».

Как часто мы говорим о лицемерии окружающих, о веригах связывающих нас «правил чужой игры». Набила оскомину фраза, как мячик бросаемая в мишень нашего болезного нутра кем—либо из друзей: «– Будь собой, чёрт возьми!». Ах, было бы всё так просто... И вообще – что такое «собой»? Вот я, значит, саморефлексирую, пытаюсь на себя взглянуть со стороны, смотрю сквозь увеличительное стекло: «Вот здесь я поступил так—то, а там – эдак, а в иной ситуации и вообще...» И при всём при том – это всё Я, такой разный и противоречивый. Помните фильм «Покровские ворота»? «– Ах, я вся такая противоречивая!». Чем дольше смотрим – тем больше задумываемся – как бы не утратить самоидентичность, не потерять себя, проще говоря. А это всё работают простые и логичные психологические законы, по которым, с одной стороны – личность стремится к целостности, а с другой – к адаптации в обществе, приобретаемой зача-

стую через конформность поведения, то есть, через приспособленчество.

Возникает вопрос: «О какой это личности вы?». Традиционно, и в первую очередь – в литературе Личностью принято называть яркую индивидуальность, как раз—таки человека цельного. А вот как бы и не так! В психологии – «котлеты – отдельно, муха – отдельно». Понятия *индивидуальности* и *личности* не совпадают, а зачастую прямо противоположны. Индивидуальность – она и в Африке – индивидуальность. Это всё только твоё, построенное на основе неповторимого твоего опыта проживания этой одноразовой жизни, самопознания и внутренней работы. Людей с чрезмерно развитой индивидуальностью, если в норме, конечно – называют интровертами. Если не в норме – чудаками, а то и похлеще... А вот личность... Она ведь родственна слову «личина». Вот это и есть те самые «оболочки души», её костюмы и маски, в которых мы приходим на всеобщий карнавал социальной жизни, наши социальные роли и способы взаимодействия с окружением. Личность – это Ты для других.

«Кто он?» – «Да он никто». В новорусские времена социальная статусность ценится куда как круче, чем какая—то вшивенькая индивидуальность. Индивидуальность и разглядеть некогда, не то что носить-

ся с ней, как с писаной торбой... Помните, как нас учили «Человек – это целый мир, микрокосм...». А сейчас: «Ты не такой как все, ты работаешь в офисе». А все – это кто такие, и где они работают? Вот тебе и критерии новой индивидуальности. Смешно и грустно. Грустно и уже не смешно.

С декартовских времён в нас взращивался культурой «гуманистический тип человека». То есть, чтобы считаться идеальным человеком, ты должен был обладать обширными знаниями и умениями – в науках, искусствах, ремесле, а вдобавок – быть приличным семьянином и гражданином. В наше время либеральных ценностей всё это – старомодные излишества. «Не хуже других» – вот лозунг сегодняшнего дня. Это значит – стремление к материальному достатку, карьерному росту, высокому профессионализму в узкой области – ценой культивирования пустыни в эрудиции, духовной жизни, не актуальных на сей момент знаниях и навыках. Главное – чтоб гамбургер был посочнее, не задумываясь о том, что благополучие развитых стран возрастает на костях голодного третьего мира.

Если раньше развитость личности мерилась многообразием социальных ролей, то сейчас исподволь внушается идея соответствия месту шпунтика в сложном экономическом и социальном механизме. И это –

не в первый раз. На ум приходят ассоциации с победоносными 30—ми в СССР, Маоистским Китаем, становлением Израиля... Да и в демократии заокеанского брата всё разложено по полочкам.

В жёстко структурированном мире с подавлением индивидуальности для реализации остаются лишь стратегии социальных масок, часто почти неотделимых от лица.

Вот, к примеру, несколько масок—стратегий, позволяющих преуспеть или сделать карьеру на производстве.

Маска «Обещалкин» – весьма применима на ответственных должностях, на конкурсах руководства предприятий, в предвыборных компаниях, при создании общественных организаций, нуждающихся в финансовой поддержке. Роль кратковременная, поскольку до наступления часа X выполнения стратегически важных обещаний нужно ещё успеть смыться или иным образом избежать ответственности. Что обещать – зависит от электората, доверившегося тебе. «Золотых гор» обещать не стоит, это порождает скепсис сразу и надолго. А лучше – серьёзно и деловито обещать того насущного, чего ждали долгие годы (возможно, что часть проблем решится сама собой за время вашего чуткого руководства). В отличие от обещаний на конкурсах управленцев, в политиче-

ских предвыборных компаниях обещания менее специфичны. В этих обещаниях главное – убедить сильных в гарантии их свобод, а слабых – в гарантии социальной поддержки. И, конечно же, любой профессиональный «обещалкин» должен начинать предлагаемую программу с пунктов, на которых «засыпался», а лучше – скандально «засыпался», предшественник. Ну, и побольше обещаний чего-то элементарного, но значимого, например: «Мы добьёмся того, что в годы нашего правления плата за воздух взиматься не будет!».

Маска «Дурачок». К примеру, попался тебе авторитарный и до ужаса честолюбивый начальник. И тебе чего—то от него надо, в смысле снисхождений, протекций, и даже – карьерного роста. Внося свои предложения, исполняя ответственную работу, ты должен создать полную иллюзию того, что без чуткого руководства шефа дело не сдвинулось бы с мёртвой точки, а ты – эдакий недотёпа, никогда и не подошёл бы к решению проблемы. Причём, это не должен быть наивный подхалимаж и лесть, хотя с некоторыми «прокатывает» и это. Нет, всё нужно подавать более тонко, а работу делать как можно более ответственно и грамотно. Когда шеф раздует своё эго до неимоверности, компенсируясь на твой счёт, в самый ответственный момент ты должен, якобы случайно, оставить его

один на один с проблемой. Тут свершается катарсис. Несмотря на внешнее презрение к тебе, в глубине души шеф начинает осознавать, что он без тебя как без рук. Он всячески гонит от себя подобные мысли, однако после этого возможны стратегии удержания тебя, как ценного работника, поощрения, выдвижения, и т. п. Ну, в случае, если ты в самый—самый последний момент придешь к нему на помощь, и не кинешь злобно фирму, переметнувшись в другую, на более высокую и оплачиваемую должность.

Маска «Правая рука» – это в чём—то противоположность предыдущей личины. В данном случае подчинённый постоянно вертится на глазах у шефа, создаёт видимость кипучей деятельности. Однако компетенция его поверхностна, а внешне блестящие результаты часто достигаются за счёт манипулятивного «подсасывания мозгов» других членов коллектива, использования плодов труда менее бойких соратников. Такая стратегия эффективна при шефе—затворнике, самоуглублённом, дистанцированном от коллектива руководителе, а также – коллективе наёмных работников, зачастую малознакомых между собой. Манипулятор фактически завязывает все коммуникативные нити «начальник – подчинённые» на себя. Лицемер получает двойную выгоду – с одной стороны это возможность в любой момент подать се-

бя в выгодном свете, «выслужиться», с другой – контролируя информацию, идущую снизу, от «народа», и сверху – от шефа, он имеет реальную власть в фирме. Стратегия рассчитана не на долгое время – до повышения (в утяжелённом, более подлом варианте – до «подсидки» шефа).

Костюм представителя конторы «Рога и копыта» был актуален всегда. Эту маску можно назвать «Мистер Блеф», а рекомендуется она в первую очередь начинающим бизнесменам и метящим на хорошие места в госучреждениях. Наиболее важные детали экипировки «Мистера Блефа» – костюм в натуральном смысле этого слова и «костюм» информационный. На последние кровные (или взятые в долг) деньги покупается безупречный наряд, соответствующий роли и среде, главное здесь – не переиграть, чтобы потенциальных партнёров и коллег не смутила нарочитость наряда. Информационный «костюм» сшивается из лоскутков – книжная, газетная информация, бытовая информация о «среде внедрения» – всё идёт в счёт. Затем – накопление словарика имён, известных в этой сфере, также – просто влиятельных людей, чьи имена на слуху. Кроме этого важны и другие словесные маркёры – излюбленные темы сплетен, названия мест времяпровождения, популярные здесь хобби и т. п. То есть, всё, что касается обра-



за жизни намеченного круга. тут тоже следует быть очень внимательным. К примеру, когда человек, претендующий на роль «доктора психологии» и работу в ВУЗе в качестве близкого друга называет Павла Глобу, это невольно настораживает.

И хотя образ Остапа Ибрагимовича Бендера прочно запечатлён в народном сознании гением Ильфа и Петрова, наивность российского жителя не иссякает, как и вера в чудо.

Масок, скрывающих истинные мотивы деятельности, достаточно много. И кажется, что даже сам носитель маскарадного костюма не всегда осознаёт свои настоящие намерения... Помните историю о волшебной комнате из повести Стругацких «Пикник на обочине»? Человек истово просит исцелить близких, а, соответственно нутру своему, получает... сундук денег. Показательна в этом смысле маска «Миссионер» (её же разновидность – «Целитель»). В этом случае важен блеск в глазах, идея, носитель должен сам до донышка верить в то, что вещает. Ну, почти до самого донышка – чтобы оставалось место для некоторого мало осознаваемого скепсиса («почему бы на этом не делать деньги») и рациональных стратегий («как на этом можно сделать деньги»). Но это – прятать даже от себя – ведь иначе не внушишь доверия своим ученикам, или же исцеляемым больным, что за-

частую одно и то же. А целей у таких учителей-лекарей – уйма. Ну, во-первых, деньги, но это – вульгарно. Куда круче сам голый принцип власти – «почувствуй себя Богом». Зачастую это просто возможность наращивать социальные связи и жить в своё удовольствие – ездить в Индию и на Тибет представителем какой-либо общины, за их, разумеется, деньги... А возвратившись – «пролечивать» уши и кошельки соотечественников. Вариант подобного «духовного туризма» с последующим открытием магазинчика экзотических благовоний и лечебных трав, без объявления себя Миссией, – наиболее безобидный.

Спрос рождает предложение. Эпоха выводит на сцену своих героев. Определённый деловой и конторский уклад, способы ведения дел – всё это расставляет акценты и приоритеты в социальных стратегиях и ролях. Эпоха без идеологии и идеалов – и карнавальные костюмы соответствующие... Насколько жестко срастаются с лицом наши маски, если приз на маскараде – благополучие, а открытость под натиском социальных бурь уязвима, незащитна? Может, отмечая про себя, что всё – игра и «контролируемая глупость» (как говаривал Карлос Кастанеда), не забывать о чём-то главном и настоящем? Не морали и альтруизма ради, в первую очередь – ради себя, того самого, который спросил однажды: «Мам, а для

Чего мы живём?«\*.

\* – полный вариант статьи, печаталась с сокращениями в журнале «ОбломOff» (Владивосток, 2004)

# Заметки о любви и психологии

В начале я замышлял отдельно написать о психологии и отдельно – о любви. Затем пришёл к выводу, что отдельно не получится. Поэтому пишу, как Бог на душу положит, не преминув заметить, что любовь – предмет загадочный, и не смотря на все наши выкладки и домыслы, ОНА ВСЕГДА ОСТАЁТСЯ СОКРОВЕННОЙ ТАЙНОЙ...

Итак, мы называем любовью нечто эфемерное, но вполне осязаемое на опыте.

Наша любовь – любовь нас к кому-то, зачастую односторонняя. Любовь к нам тоже часто бывает неразделённой. Любовь взаимная встречается реже... И вместе с тем, как это ни парадоксально, я прихожу к мысли, что любовь, если это действительно любовь, не может быть односторонней. Ход моих рассуждений прост. Не стоит путать любовь и влюблённость. Влюблённость это **состояние** души, так необходимое поэтам и разным творческим личностям. А вот любовь – это **процесс**. Это всегда взаимодействие, всегда развитие взаимоотношений, причём в идеале всегда предполагающее развитие двух любящих людей. Вот сейчас моден термин «свободная любовь». А настоящая любовь по сути всегда сво-

бодна, поскольку не сводит внутренний мир любящих до точки а всегда лишь расширяет его, открывая новые грани и давая потенциал к развитию. Чувство собственника, обладания, зачастую губит эту эфемерную субстанцию. Как процесс, движение может замедляться, ускоряться, река любви может расширяться, сужаться, но вряд ли она иссякнет, если люди развиваются и идут в одну сторону. Это не обязательно поход лишь в одном строго выбранном направлении, повторюсь, стихия любви всегда свободна. Движение может быть и параллельным, и временами – в разные стороны. Тогда возможна любовь – пунктир, т. е. в некоторых точках «доросшие» снова находят взаимопонимание, причём более глубокое, чем прежде, и на этом этапе обогащают друг друга вновь приобретённым. В любом случае настоящая любовь – процесс взаимодействия, и как считает психология, возможен при максимальных установках приятия возлюбленного, его внутреннего мира, его целостности таким, каков он есть.

Но чаще всего мы имеем дело с иным видом любви, при котором нарушается внутренняя целостность одного, а чаще двух людей. Я говорю о **невротических привязанностях**. Такую привязанность легко можно спутать с любовью, на чём я прогорал, и неоднократно... В сущности, многие так живут. В европей-

ской культуре семья (в частности, типичная советская семья) в основном держалась на неворотических привязанностях, на быте. Суть в том, что достаточно смодостаточных (извини за тавтологию) людей мало. У каждого свои выбоинки и вывихи, как же без них. И в случае невротической привязанности встречаются два таких человека, у одного, допустим, выбоинка справа, у другого – слева. Вот тебе и две половинки, вот вроде и подходят друг другу, но... Во первых, на уровнях этих выбоинок нарушается целостность личностей – две недоличности не станут одной полноценной... Возможно два исхода. Первый исход – благо. Это когда пожили—полюбили, компенсировали свои выбоинки, обрели некоторую целостность, с новых позиций поняли, что в друг друге не нуждаются больше, и разошлись... Но часто встречается и второй вариант – когда выбоинки только растут, сколько их ни компенсируй... Например, «жертвенная любовь». Вот недавно какой—то фильм шёл, так наконец—то с экрана прозвучало (из уст главного героя): «не надо жертв, мне кажется, ты прямо—таки желаешь, чтобы я был пьяницей и неудачником, а ты меня всегда спасала.» К сожалению, в России это зачастую. Выбоинка мужчины – «я несостоятелен. Но она меня любит и такого» – хорошая отмазка не работать над собой. Выбоинка женщины «ах я несчастная

жертва, я всё ему отдала» – она находит в этом смысл жизни, так как не может быть самодостаточной без этого, чаще всего в силу воспитания или неуверенности в том, что найдёт более достойную пару. А ещё может расти необходимость во власти над ним (жажда власти, контроля над ситуацией – всегда обратная сторона страха смерти). Ведь сколько они ни жертвуют, ситуация не меняется – пьют, бьют, катятся ещё дальше... Так вытащить человека из трясины нельзя. «А кони всё скачут и скачут, а избы горят и горят».

Другой пример невротической привязанности – некоторый «садомазохизм» душевный. Это когда женщине просто нравится нравиться а мужчине нравится по ней вздыхать и плакать о неразделённой любви (сам попадался на эту удочку). В данном случае, если женщина ещё менее самодостаточна, чем мужчина, возможен обратный ход: он перестаёт заискивать и вздыхать, она в недоумении, ощущает необходимость в его внимании и делает шаги навстречу... Если за время таких отношений не возникнет настоящего глубокого интереса к друг другу и взаимопонимания (а для этого нужна внутренняя работа) то до поры до времени и будет такое «перетягивание» невротических канатов, хорошо, если со временем надоест... Возможен печальный исход: один как бы жертвует собой, «сдаваясь» под пылким напором чувств друго-

го, но другой (при отсутствии взаимопонимания и уважения) так и рискует остаться помыкаемым и быть на вторых ролях по гроб жизни. Настоящая любовь возможна только между равными, развивающимися, стремящимися к личностной полноте и гармонии.

Это самые простые примеры. Невротических вариантов масса – ни кто не совершенен. Зачастую хорошая невротическая привязанность может и обогащать, и чувства в ней могут достигать такого накала, какого нет и при настоящей любви, вплоть до психоза. Литература пестрит подобными примерами, люди вешаются, убивают из ревности и т.д и т. п. (это негатив, а позитив – возникают бессмертные творения искусства :)))

Жуткий вариант невротической привязанности – любовь-симбиоз. Это когда весь мир против возлюбленных, а они как на необитаемом острове. Жуткий потому, что тогда не может идти речь ни о каком развитии. Настоящая любовь – открытая система, люди открывают друг другу мир и гармонию. Но накал чувств сильнее, чем у самых фанатичных сектантов. Вспомни Ромео и Джульетту. Правда, в данном случае у них не было особенных выбоинок, характерных для «симбионтов», просто обострённое подростковое чувство неприятия мира взрослых, плюс первое открытие любви...



Ну, о настоящей любви можно добавить, что в ней присутствует искренняя заинтересованность в делах другого, заинтересованность в его свободе. Конечно, это в идеале, все мы грешим тем, чтобы переделать человека под себя, но нужно чувствовать грань, здесь наиболее важно взаимопонимание... Что делать в случае, если притяжение человека частично? Самый трудный вопрос, не нахожу ответа... Видимо, работать над собой :) (если это однозначно необходимо, но тут уж вопрос в этой необходимости – что при этом теряем и что находим, где лучше измениться, а где – остаться собой, и т. д. и т. п., вопросы... вопросы...)

Вот вкратце, об отличиях любви и невротической привязанности. Ах, да, часто существует привязанность уклада, например, семейного. Полагающаяся любовь в семье, как образ жизни. Как—то мой приятель Женя Балакирев—Крот высказался на тему того, что семейный уклад большая ценность, чем любовь, мол, любовь придумана в европейской культуре, а он буддист и считает, что важнее каждодневный уклад вещей а не какие—то эфемерные чувства... Но я по менталитету европеец. Я склоняюсь к тому, что в совместной жизни уклад крайне важен, но это ещё не всё.

Да, ещё о невротических привязанностях. Если посмотреть на это с внутренней стороны, а именно с ак-

центуаций характера (те самые выбоинки). Противоположные акцентуации обычно притягиваются. Базальная механика. Пример из собственного горького опыта. Две моих проявленных акцентуации прошлого периода жизни (наиболее – лет 10 назад) – астеническая и эмоционально-лабильная (ананкастная). Сначала – негативный опыт житья-бытия с девушкой с психотико-паранояльной акцентуацией. По второй моей акцентуации (эмоционально—лабильной) взаимопонимание было, то есть она была вполне душевной. А вот паранояльные выпады астеников буквально съедают. Ну, плюс её алкоголизм... и через полгода мы расстались. Затем жуткая страсть к девушке—шизоиду (поскольку эмоционально—лабильный человек чувствует в хрупком но твёрдом, абсолютно не гибком шизоидном психологическом остове какую—то стабильность), плюс идеализм высокого уровня, который всегда подкупает, тонкость восприятия... однако, восприятия очень эгоцентрического (сейчас подобный эгоцентризм наблюдаю у нашего Серёжи, тоже избалованный юноша, росший с одним родителем...). В общем, страсти кипели чуть ли не до самоубийства, а в результате – четыре убитых года. Но этот опыт был позитивен в том смысле, что после знакомства с ней я вернулся к творчеству, образованию, науке (у неё был не плохой вкус, привер-

женность идеям, да и сама она была «профессорская дочка»). Благо, я уже похоже научился распознавать невротические привязанности и не отношусь к ним слишком всерьёз:—)

Теперь об уровнях любви (в этом есть большая доля утрирования, но всё же...). Итак, с чего же начать «сверху» или «снизу»? Пожалуй, «сверху».

**Духовная любовь** – любовь, обожание, приятие духовного мира и ценностей другого. В идеале возможна, когда люди идут в одном духовном русле (не путать с душевной, сердечной любовью).

Любовь на **ментальном уровне**:

Это когда чувствуешь, что твой избранник мыслит так же, как и ты. С ним очень интересно, чувство взаимопонимания, буквально «интеллектуального пира» (выражение кого—то из психологов, по—моему Владимира Леви) заполняет, вытесняя всё вокруг. Возникает такое ощущение, будто до этого ты всю жизнь был одинок и не понят, и вот вдруг свершилось чудо... Тут нужно ещё проверить, достаточно ли широки ваши точки ментального соприкосновения, ведь может быть и глубина, и ритм, и темп, и структура мышления сходная, но в узкой области, что характерно для невротической привязанности акцентуаций. Беда в том, что при сильной невротической привязанности это трудно сделать – ты заморочен, как под гип-

нозом ты будешь ведОмо воссоздавать ментальные структуры именно по этому канону, ни вправо ни в лево, как кролик перед удавом... Так, кстати, действуют манипуляторы, психологические энергетические вампиры... Но я не об этом. В случае настоящих высоких ментальных отношений это просто здорово. А уж если плюс к этому и иные уровни :)

Любовь эстетическая (на уровне **высшего астра-ла**). Это взаиморазделение вкуса, эстетических привязанностей, если взаимная, если нет – просто любованье и восхищение. «Красивое тело притягательно» – это из этой серии. Мир открывается фактурно, возникает чувство гармонии, обалденное проживание мигнов времени и окружающего пространства. Такая любовь очень по мне. Жаль, что сообразно моему вкусу, дабы не терять лицо, требуется побольше зарабатывать, ну, или жить в долг, как А. С. Пушкин :) Обычно к этому примешивается и ментальная любовь, а иногда и сердечная и телесная страсть. Характерна для всяких там творческих личностей :)

Любовь сердечная (на уровне **низшего астра-ла**). Несколько видов: любовь—жалость, любовь—сострадание, любовь—понимание и т. п. Душевная любовь к человеку, как таковому, восхищение его человеческими качествами, чувство его родным и близким, в общем обретение родной души. Обыч-

но это самая семейная любовь. В такой любви даже на отдельные недостатки любимого можно смотреть с умилением. Сердечная любовь особенно в христианстве, соседствует с любовью духовной.

Любовь—страсть (на уровне **самого низшего астрала**). Желание обладать объектом вожделения, обычно более ничего. Часто сочетается с желаниями на уровне низшего эфира (зов тела).

Любовь на уровне **высшего эфира** также изначально телесна. Сначала телесная притягательность избранника овладевает твоим вниманием, затем, в отличие от простой страсти обладания, могут включаться иные уровни. Помнишь у Дона Хуана про тональ и нагуаль? Так вот, высший эфир это хороший тональ. Сразу заметно, как только у человека нарабатывается хороший высший эфир, к нему начинают «липнуть взгляды». Приветствия, новые знакомства и т. д. а всё почему? Он становится притягателен... но это тоже почти что механика. Стоит впасть в депрессию – и этого нет... Один мой увлекающийся оккультизмом знакомый сетовал: «как только восстановлю свой эфир – появляются женщины, которые норовят его сорвать... а надо—бы употребить его на творчество» (но женщины ему нравились больше;))).

Любовь на уровне **низшего эфира** – это просто телесное вожделение, в отличие от сиюминутной по-

хоти может продолжаться долго к одному объекту. В принципе, возможно развитие до более высоких уровней.

В реальности в любви всё не однозначно, деления условны, зачастую эти уровни присутствуют в наших чувствах в разном сочетании и пропорциях :)

А, ещё забыл! Любовь к самому себе, или нарцисизм. В юношеском возрасте иногда помогает влюблять в себя других (это на примере некоторых знакомых) :).

В действительности настоящая любовь всегда обменный взаимообогащающий процесс. Всё это вещи неоднозначные и загадочные. Ещё раз повторюсь, любые развивающиеся отношения – очень тонкий процесс... А вообще—то я очень рад нашей встрече – в наше время да в нашем возрасте встретить живого человека, да к тому же такого – большая редкость и везение. Жизнь не щадит ни кого... Знаешь, одно из немногих ценного, чему учат психологов, так это делать хотя бы попытки смотреть правде в глаза и по возможности не обманывать себя и других (это я в оправдание этого откровенного но не весёлого трактата). И ещё, дабы подтвердить серьёзность этих слов, замечу, что если бы в 1997 году я не попал на психфак, то вряд ли был бы жив сегодня, и уж точно не встретился бы с тобой. :)

P.S. Я глубоко убеждён, что любовь для человека естественный процесс, а влюблённость – естественное состояние. На коммуникативном тренинге в 1998 году я наблюдал, как наша группа за три дня стала буквально родной. Это конечно ситуация, искусственно смоделированная психотехникой, но она доказала мне, что в главном мы схожи, любовь и взаимопонимание естественны, как воздух, просто люди об этом забывают. Чувства, конечно, были лишь на уровне симпатий и приятия, однако с этой точки открывалась широкая перспектива для жизни души... Эмоциональный след от тренинга держался около двух месяцев, затем постепенно пошёл на убыль – каждый вновь облачился в свои душевные оболочки. Но счастье возможно :)

2008

# Царевна-лебедь или история о гадком утёнке

Во время взросления, постепенного изменения нашей внешности от милого малыша до взрослого человека мы проходим большой путь и наше сознание должно поспевать за изменениями нашего тела, формировать адекватные представления о нашей внешности. В этом процессе большую роль играет как наше окружение, реагирующее на этот метаморфоз, так и мы сами, то, что мы видим в зеркале и как к этому относимся.

По Эрику Бёрну, все наши отношения формируются в тройном поле сознания: это условно «внутренний ребёнок» – творческая и стихийная часть, «внутренний родитель» – контролирующая часть, и «внутренний взрослый» – рациональная часть. В зависимости от этого формируются и наши ожидания от других при взаимоотношении с ними: ожидаем ли мы и соглашаемся с реакцией ребёнка, взрослого, родителя. Когда ожидаем другого, не соглашаемся – возникают конфликты. Например, в диаде руководитель—подчинённый обычна диспозиция родитель—ребёнок. Например, подчинённый не соглашается с ролью ребёнка – конфликт недооценивания или бунт, руководи-



тель не берёт на себя роль мудрого родителя – конфликт попустительства, видимость некомпетентности руководства и т. п.

Однако, кроме взаимоотношений, диспозиции этих частей сознания важны и в самоотношении, в частности, в отношении к собственной внешности. Ожидание сохранения детскостных черт может возникнуть в период резкого изменения внешности, особенно – если до этого ребёнок часто вертелся у зеркала или взрослые часто говорили ему, какой он красивенький. Тогда, в подростковом периоде, человек может болезненно принимать свою изменённую внешность (конфликт детских ожиданий), это отношение может «застрять» в сознании и сопутствовать по жизни уже взрослому человеку.

У всех животных, в том числе и у человека, черты взрослого существа и детёныша разительно разнятся – всему своё время. Черты детёныша всегда более мягкие, все линии – короткие и округлые (вспомним мордочки щеночков). Это помогало детёнышам выживать и вызывать сочувствие у взрослых, поскольку такие черты не несут агрессии и не позволяют рассматривать такое существо как конкурента. Такое существо взрослой особи хочется приласкать и накормить. К сожалению, в культуре второй половины двадцатого века, с его эмансипацией, в восприятии жен-

щин мужчинами стали модны инфантильные черты, так называемый «беби—фейс». Часто женщина, имеющая такие черты, кажется современному мужчине, не преодолевшему эдипов комплекс, более привлекательной, поскольку её он не боится и хочет иметь рядом «вечного ребёнка». Однако, у носителей инфантильных черт (я здесь говорю сейчас об инфантильной мимике, не о природных «породных» чертах) есть обратная сторона медали – они стареют резко и сразу, так и не проявляясь со взрослыми чертами, сразу становятся бабушками и дедушками. Это – следствие непроработанности мимики, и зависит от непроработанности чувств, обилия детских и подростковых застреваний в чувственной сфере. К примеру, такой феномен наблюдается у актёров, всю жизнь играющих детские роли, деятелей искусств. Хотя люди могут быть замечательными, но сфера их чувств своеобразна. Культ «беби—фейса» во многом задаёт сейчас и рекламные стандарты... Ну даже взять того же Дикаприо. А настоящая красота – иная, по мере развития чувств, их динамики, развития полноты самосознания прорабатывается и мимика, после 30 лет несущая во многом отпечаток характера. Красивые люди и стареют красиво – снова примеры сферы искусства – Лев Толстой, Набоков, Леся Украинка, Елена Перех, Олег Янковский, Катрин Денёв, София Ра-

тару и т. п. Конечно, и порода во многом берёт своё, но в основном – индивидуальность, индивидуальная «аура». Такое произведение природы, как красивый человек, не бывает массовым, хотя, нужно заметить, что каждый в чём—то красив. Однако, я говорю о красоте не в человеколюбческом, душевном, а в эстетическом плане.

А застревания в приятии своей взрослой внешности обычно могут идти именно от подросткового феномена гадкого утёнка, который почему—то всё ещё не может осознать, что он давно уже – прекрасная лебедь... А тут ещё и наслаивается несоответствие сиюминутным (ну что такое 50 лет истории!) стандартам инфантильной моды...

Пример своего комплекса. В раннем детстве и чуть постарше я был очень смазливеньким ребёнком, и мне часто говорили взрослые, какой я красивый. Я как—то привык к своей внешности в зеркале... Между 6 и 7 классом я резко вытянулся, ну а к 10—му моё лицо изменилось для меня неузнаваемо. Помню, в 10—ом мне шили костюм в ателье. Там было тройное такое зеркало – я мог лицезреть себя анфас и в профиль одновременно. И то, что я там увидел, настолько не соответствовало моим ожиданиям, что заставляло меня и многие годы спустя относиться к своей новой внешности, как к уродливой... Плюс ещё мама,

которая всё хотела видеть её прежнего маленького мальчика, ну, для мам это характерно...

Как с этим бороться? Просто глядеть на себя по—новому, каждый раз переосмысливая себя, своё место в мире и жизни.

*2009*

## Предтечи

Темна и загадочна история творческих объединений и клубов города Владивостока. Годом рождения «Серой Лошади» называют 1993 год. Но «серолошадники» жили как-то и до этого, росли как-то себе на иных поэтических грядках. Люди знакомятся случайно, затем находят какие-то общие идеи, если сколь-нибудь внятных идей нет, то цементирующей основой объединения творчески озабоченных людей служат неприкрытые желания «творчества, как процесса» или «интеллектуального общения».

Одно такое интересное творческое сообщество, результатом бытия которого явился самиздатовский журнал, существовало во Владивостоке в 1991 – 1992 годах.

Сейчас трудно достоверно вспомнить, от кого исходила идея создания клуба, но во второй половине 1991 года раз в неделю в доме-музее С. Лазо, в зале со старинной, позеленевшей от времени, керосиновой лампой, уже проходили собрания так и не успевшего получить имя «клуба молодой интеллигенции».

До описываемых событий общение компании этих творческих молодых людей происходило в комнатах исторического факультета в общежитии ДВГУ, по Ок-

тябрьской, 65. Возможность собираться раз в неделю в доме-музее Лазо, по-моему, изыскала тогдашняя студентка-филолог и поэт Оксана Потапова (Юдина). Оксана всегда отличалась склонностью собирать «богемные салоны», будучи активисткой КСП-движения, она и квартиру свою превратила то ли в творческую мастерскую, то ли в перевалочную базу для странников-бардов и особо сочувствующих. Вечно происходила там какая-нибудь круговерть чувств и судеб между кухней и книжным шкафом...

Но вернёмся к дому Лазо конца 1991 года. Участниками разноплановых клубных собраний, кроме Оксаны и меня, были: выпускник восточного факультета, переводчик-китаист Андрей Дерябин, поэт Валерий Дёмин, музыкант Роман Ковалевский, девушки-выпускницы исторического факультета ДВГУ Яна Сергиенко и Юля Поповичева.

Похоже, на одном из собраний присутствовали приглашённые Оксаной Потаповой Алексей Денисов и Вячеслав Крыжановский, но за достоверность этого факта поручиться не могу.

Концептуально клуб пытались создать по образу и подобию клубов декадентствующей интеллигенции начала двадцатого века. На собраниях обсуждались философские произведения Бердяева, Соловьёва, Ельчанинова и др. На некоторых вечерах в клу-

бе проходили лекции по философии и культуре Китая, Японии, Индии. Обсуждалась поэзия Серебряного Века, и, конечно же, читались собственные поэтические творения.

Всё это воплощение прогрессивных на тот момент способов неформального общения потихонечку свернулось, когда на собрание клуба потянулись странные, пожилые и не очень, люди, постоянно намекающие, что говорить нужно о вещах более актуальных — о «предательстве власти», «тайном враге» и тому подобное. И «отцы-основатели» дружно оставили насиженное место на откуп политически озабоченным гражданам. Клуб просуществовал на рубеже 1991—1992 годов не более чем пол года. В дальнейшем на том географическом месте разросся буйным цветом поэтический салон «Третья пятница», но это уже не наша история.

А ядро нашего клуба, в частности, Андрей Дерябин и Роман Ковалевский, стало некой мини-редакцией по изданию журнала «Колониальный Концептуализм» (2-й номер уже «КОКОН»).

Думаю, необходимо сделать небольшое отступление, и обозначить несколькими штрихами то время, каким оно было для людей пишущих. После всплеска творческой активности в молодёжной среде Владивостока конца восьмидесятых, наступила иная, жут-

коватая эпоха. Структурный кризис и, как следствие, утрата многих прежних смыслов, достигали своего апогея. Как метко выразился в один пьяный вечер Валерий Дёмин, «у народа словно каналы перещёлкнуло». Автоматичные прохожие с вывернутыми наизнанку переключателями чаяний и стремлений рыскали по улицам города в поисках хоть какой-либо поживы. Большинству всегда не досуг задирать голову в ожидании падающей звезды, а в ситуации девяносто первого года – и вовсе смешно, чуть ли не грешно...

И вот на таком фоне всеобщего улёта в трубу, где ни то что почвы – ни дна, ни крыши – зарождается идея некоего постмодернового издания. А кому это нужно? А ни кому, кроме нас и горстки подобных чудиков. Причём, редакторы собрали не просто стихи своих знакомых, а целенаправленно выискивали наиболее перспективных, на их субъективный взгляд, авторов (из числа знакомых, конечно же). Почти любое неформальное, созданное в рамках определённой концепции, издание без ложной скромности претендует стать чуть ли не центром нового искусства. Отсутствовали ли подобные мысли у создателей Колониального Концептуализма, сказать сложно, но журнал был сделан явно не без претензии.

У этого, безусловно, передового для тогдашнего



Владивостока молодёжного самоиздания, успело родиться всего два номера. Первый был посвящён, в основном, поэзии, второй, в основном, прозе. К сожалению, второй номер журнала у автора этих строк не сохранился, поэтому подробнее могу сказать лишь о первом.

Вот она передо мной, уже пожелтевшая от времени книжица. 32 страницы А-5-ого формата на обычной писчей бумаге. Тираж не более 30 экземпляров, отпечатан на матричном принтере компьютера, скорее всего, в программе «Лексикон».

### **Колониальный концептуализм**

### **Форпостный журнал постмодернизма**

### **№1 Владивосток 1992**

Конечно, в целом журнал выглядит «ласкутным одеялом». Авторы стихов этого номера: Оксана Цуприк (Потапова-Юдина), Леонид Пупков (Попков), Алексей Денисов, В. Бурков (Бурик), Андрей Холера (Дерябин), Дмитрий Рекачевский, Роман Ковалевский (в соавторстве с А. Дерябиным). Ни под какую определённую концепцию ни стилистика, ни тематика собранных здесь произведений не подпадают. Всё это иногда похоже на дружеский студенческий «капустник», и если бы не отсылки к постмодерну, куда, со слов А. Денисова, «пускают всех», неизвестно, что

держало бы эти тексты под одной обложкой.

В журнале, кроме стихов присутствуют также прозаические опыты и вступительная статья Андрея Дерябина.

Как вы видите, трое из авторов журнала – будущие «серолошадники». Стихотворение А. Денисова, опубликованное в журнале, войдет затем в его авторский сборник «Твёрдый знак».

«Первичный смысл искусства, как деятельности по созданию произведений мы переосмысливаем как деятельность ради себя самой, творчество понимаем как затейливое цитирование и коллаж. Но „цитирование“ также не обязано быть выдержанным в одном духе – мы не замечаем разницы между гранд-артом и кичем. Дионисий и Аполлон спят у нас в одной постели.»

Цитата из вступительной статьи А. Дерябина.

Журнал распространялся исключительно среди знакомых редакции и авторов. После выхода второго номера ещё более малым тиражом, журнал исчез по причине отсутствия технических возможностей и некоторой исчерпанности энтузиазма редакции на ниве литературного подвижничества.

Далее начинается история собственно «Серой лошади». Пару слов хочется сказать о дальнейшей литературной деятельности не примкнувшего к «Серой

лошади» Валерия Дёмина, достаточно талантливо-го участника клуба «у Лазо». В 1992 году в его друзья-эмигранты в Канаде издали малым тиражом сборник стихов В. Дёмина «Утраченное», ставший на данный момент раритетом, тираж практически полностью утрачен для читателя.

В заключение этой истории приведу выходные данные первого постмодернистского издания во Владивостоке:

Редакционная коллегия: А.Д., Р.К.

Адрес редакции: Тунгусская 46/64

Телефон – отключён.

Рукописи не горят.

Цена одного номера – 1 лира.

***...Рукописи не горят...***

2010

# Самиздат: да или нет?

Термин «самиздат» вошел в лексику человека мыслящего и читающего со времён оттепели шестидесятых. До этого времени в стране, где на любую информацию существовала государственная монополия, вплоть до регистрации частных печатных машинок в соответствующих органах, самовольное распространение авторами своих творений было немыслимым.

В чем историческое значение самиздата и насколько актуально это явление сейчас? Обратимся к опыту прошлого. В шестидесятых годах основная масса самиздата приходилась на Москву и Ленинград. Жанры самиздата того времени – переводы непечатаемых у нас по политическим причинам зарубежных авторов, диссидентская и правозащитная публицистика, стихи и проза опальных или просто неизвестных авторов. В самиздате, переписках, перепечатках, ходили стихи Иосифа Бродского, рассказы Виктора Ерофеева, неизданные тогда произведения братьев Стругацких, Саши Соколова и многих на ту пору молодых и талантливых авторов. Был нажим официальной культуры и была оппозиция. В семидесятых это противостояние усилилось, а в восьмидесятых, с на-

чалом перестройки, на территории взбудораженной Родины явление самиздата стало повсеместным. Самодельные издатели всех рангов и мастей преследовали различные цели – от саморекламы до политической борьбы. В крупных, средних и даже небольших населенных пунктах к концу восьмидесятых издавались сотни самодельных журналов, книжиц, газет, листков. На переставшей к тому времени быть невидалью копировальной технике эти издания распечатывались небольшими тиражами, от единичных экземпляров до нескольких сотен, которые могли себе позволить столичные издатели, например, С. Гурьев, журнал «Контркультура», г. Москва. На периферии тиражи изданий энтузиастов были более скромными, в литературном самиздате некоторые авторы издавались «в складчину». Так, например во Владивостоке было выпущено три номера литературного альманаха «Голос», 1990—91 г. Недостатком таких «складочных» самоизданий в отличие от концептуального самиздата, было полное отсутствие редакторского ценза. Зачастую на страницах, собранных по принципу «заплатил – печатайся», соседствовали произведения, очень разные по уровню, что отпугивало потенциального читателя. Вместе с самиздатом появился термин «андеграунд». На звание «андеграунда», противовеса официально разрешенной

культуре в конце восьмидесятых годов претендовали самоиздания, освещающие на своих страницах рок-культуру, молодежную неофициальную культуру вообще. Литературный «андеграунд» тяготел либо к эстетике декаданса начала века, либо к постмодерну. Издания находили своего читателя, изголодавшегося по новому, открывающего день за днём историю своей страны заново: С приходом рыночных отношений диспозиция «самиздат – официальная литература» претерпела коренные изменения. Цензуры и госмонополии на издательскую деятельность нет. При наличии денег на издание кто угодно может издавать почти всё, что угодно. Железный занавес рухнул, своей очереди к российскому массовому читателю ожидают произведения выдающихся мастеров мировой литературы XX века, русского зарубежья. Это очень солидный багаж ушедшей эпохи, с ним бы разобраться, не говоря уже о произведениях безвестных современников.

Опыт последнего десятилетия заставляет нас с горечью констатировать: да, наша страна сейчас не самая читающая в мире. Хотя книжных магазинов, лавочек, лавчонок и лотков в крупных городах необъятной нашей страны не убавилось, и даже прибавилось, репертуар продаваемой литературы стал уже, а переиздаваемая в последнее время классика не всегда

по карману рядовому покупателю. В трудной борьбе победила «лёгкая» литература. «Бешеные», «меченые», «драные» и «рваные», ворвавшиеся на книжные полки одновременно с захлестнувшей страну криминальной волной, по сей день властители дум и чувств массового читателя. Впрочем, у загруженного проблемами «обычного человека» наших дней, не всегда есть время и настроение для вдумчивого чтения более серьёзной литературы, вот и остаётся жевать «эмоциональную жвачку». Кому – детективы и боевики, кому – женские романы и мелодрамы, кому – фэнтези невысокого пошиба. Кроме проблем экономического плана и засилья низкопробного чтива перед книгоизданием и литературой, как искусством встаёт другая, более глобальная проблема. Меняется стиль жизни цивилизованного человека, в подавляющем большинстве – городского жителя, переизбыток информации и постоянная нехватка времени порождают совершенно иное отношение к восприятию этой информации. Намеченный после появления кино и телевидения крен в культуре цивилизации сейчас всё более ощутим. Массовая культура становится всё более визуально-динамической, в отличие от более статичной, глубокой и описательной литературы прошлого, для нынешнего потребителя искусства важно действие, ощущение себя в едином эмоциональ-

ном потоке повествования. Скорость и возможность плыть по течению предложенных автором впечатлений – это привлекает в видеофильмах и комиксах, а в компьютерных играх кроме этого появляется возможность быть участником событий. Ажиотаж вокруг художественной литературы сейчас весьма невысок, что же говорить о самиздате?

И всё же хочется верить, что в наши дни самиздат, не претендуя на коммерческую выгоду проектов или скандальную славу «борца культурного фронта» может сослужить добрую службу начинающим и нетрадиционным авторам. Самиздат, по моему мнению, может стать своего рода рекламной площадкой, теми стартовыми подмостками, с которых интересные произведения неизвестных авторов будут видны потенциальным издателям, критикам, читателям. Конечно, в литературе, где каждый сам себе устанавливает планку, много плевел. Но ведь есть и зёрна. Самиздат даст им возможность взойти.

2002